

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**США – КИТАЙ: БОРЬБА ДВУХ СТРАТЕГИЙ И
ПРАКТИК МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА**

Под редакцией
Л.С.Вартазаровой
И.Я.Кобринской

Москва
ИМЭМО РАН
2018

УДК 327
ББК 66.4(0)
Сш 938

Серия “Библиотека Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова”

Рецензент: к.п.н. Э.Г. Соловьев

Под редакцией д.э.н. Л.С. Вартазаровой, к.и.н. И.Я. Кобринской

Авторский коллектив:

академик В.Г. Барановский, О.В. Богаевская, Л.С. Вартазарова,
член-корреспондент Ф.Г. Войтоловский, А.Г. Володин, П.А. Гудев, А.А. Давыдов,
А.В. Девятков, И.Е. Денисов, С.С. Дмитриев, С.В. Жуков, В.Ю. Журавлева,
С.В. Игнатъев, Е.А. Канаев, В.Б. Кашин, Э.В. Кириченко, И.Я. Кобринская,
И.А. Копытин, М.А. Кравченко, А.В. Ломанов, С.А. Луконин, Г.И. Мачавариани,
Я.М. Миркин, академик В.В. Михеев, С.К. Ознобищев, А.В. Островский,
член-корреспондент А.Н. Спартак, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский, Б.Е. Фрумкин,
В.Г. Швыдко

Сш 938

США–Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 65 с.

ISBN 978-5-9535-0537-6

DOI:10.20542/978-5-9535-0537-6

В докладе анализируются актуальные проблемы и тенденции отношений США-Китай в свете их соперничества за мировое лидерство. Оценивается влияние углубляющейся конкуренции на развитие процессов в АТР, последствия изменений для России.

USA–China: the Struggle of Two Strategies and Practices of World Leadership / Vartazarova L, Kobrinskaya I., eds. – Moscow, IMEMO, 2018. – 65 p.

ISBN 978-5-9535-0537-6

DOI:10.20542/978-5-9535-0537-6

The report analyzes the current problems and trends in US-China relations in the light of their rivalry for world leadership and the influence of deepening competition on the development of processes in the Asia-Pacific region, the consequences of changes for Russia.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0537-6

© ИМЭМО РАН, 2018

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ 1. ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ США И КИТАЯ	11
1.1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ.....	11
1.2. СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	21
1.3. СПЕЦИФИКА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	32
РАЗДЕЛ 2. ПОЗИЦИИ ВНЕШНИХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА-ПРОТИВОСТОЯНИЯ США И КИТАЯ	37
2.1. Индия.....	37
2.2. Япония.....	39
2.3. ЮЖНАЯ КОРЕЯ	42
2.4. ИРАН.....	43
2.5. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	45
РАЗДЕЛ 3. ЗОНЫ РИСКА ДЛЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ ДВУХ КОНЦЕПЦИЙ МИРОВОГО ЛИДЕРСТВА	49
3.1. ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	49
3.2. АРКТИКА	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61

Введение¹

Глобальный социум претерпевает глубокие изменения, которые охватывают все стороны жизни – материальное производство, науку и технологию, взаимоотношения человека с природой, организацию управления обществом, культуру и духовную сферу, ценности и этические императивы... Крупные перемены происходят и в сфере международных отношений. Здесь буквально на наших глазах обнаруживаются новые явления и процессы, о возможности которых еще вчера практически никто не задумывался. А те, которые существовали на протяжении столетий и казались чем-то устоявшимся и неизменным, наполняются новым содержанием. Многим кажется, что мир вступил в эпоху неопределенности и непредсказуемости.

Слов нет, изменения очень существенны – в сравнении, например, с периодом биполярной конфронтации по линии Восток–Запад на протяжении почти всей второй половины истекшего столетия. Но разве и тогда в международной системе всё было предопределено и запрограммировано? Мало кто, положа руку на сердце, может утверждать, что ожидал катаклизмы, которые произошли в ареале так называемого «социалистического содружества». А в начале нового столетия – разве не возникла «арабская весна» как гром среди ясного неба? Применительно к обеим ситуациям сегодня аналитика изобилует разъяснениями касательно их причин и генезиса; немало и претендентов на лавры предсказателей, которые якобы давно предвидели происшедшее и даже предупреждали о его неизбежности. Все эти прорицания *post factum* можно считать беспредметными. А можно видеть в них некоторую пользу (в плане осмысления реалий нашего мира). Но вот если бы они были высказаны раньше...

Говорить о труднопредсказуемом будущем международной системы тем больше оснований, что мы, по сути дела, являемся свидетелями ее становления в новом качестве (или в новой инкарнации). Некоторые считают, что речь идет вообще о необратимой эрозии

---

¹ Подготовлено академиком, д.и.н., руководителем научного направления ситуационного анализа ИМЭМО РАН В.Г. Барановским

традиционного способа организации международных отношений и возникновении на его руинах чего-то принципиально иного. Не будем здесь вступать в полемику по терминологическим вопросам. Воздержимся и от самонадеянных попыток заглянуть за горизонт (который к тому же очерчен весьма зыбкой штрих-пунктирной линией). Отметим важное: некоторые устойчивые структурные константы того поля, на котором в обозримой перспективе будут разворачиваться международные процессы, просматриваются уже сегодня.

В их числе – важная роль двух стран, политика которых является предметом анализа, представленного в настоящей публикации – США и Китая. Не просто важная, а ключевая – в том смысле, что от проводимой этими государствами линии будет зависеть чрезвычайно многое в международно-политическом развитии. Далеко не всё, и отнюдь не до такой степени, чтобы можно было отнести всех остальных участников, если продолжить сценические аналогии, к мимансу или подтанцовке. Но в перечне главных действующих лиц США и Китай будут стоять на первых местах.

Основания к тому для каждой из двух стран неодинаковы.

США большую часть своего пути в двадцатом веке прошли под знаком притязаний на статус демиурга мировой системы. Сначала – через вовлечение в Первую мировую войну, которое стало вехой в преодолении традиционных изоляционистских инстинктов. Затем – через попытку организовать управление международными делами посредством учреждения Лиги Наций, в которую сами же США не вошли по причине внутреннего сопротивления курсу на излишнюю (по мнению оппонентов) зависимость от внешнего мира. Участие во Второй мировой войне возвысило военно-политический авторитет США и их экономические возможности, особенно на фоне ослабления ключевых европейских держав. Важное значение имели накопление капитала, высокая динамика научно-технического развития, использование доминирования в экономике и валютно-финансовой сфере для налаживания выгодных для США механизмов международного взаимодействия. В еще большей степени укреплению американских позиций на мировой арене способствовали начавшаяся холодная война, конфронтация с Советским Союзом. Именно на этой волне США достигли пика своего могущества – позиционируя себя как лидер свободного мира, повсеместно противодействуя коммунистической экспансии, а

главное – мобилизуя огромные военно-политические ресурсы для защиты собственной территории и союзников от советской угрозы. Но здесь же возникали и важнейшие сдерживающие факторы в отношении господства США – прежде всего наличие ракетно-ядерного паритета с Советским Союзом, а также периодическое фрондирование союзников, испытывавших дискомфорт из-за дефицита самостоятельности, и возникновение неподконтрольных политических сил за пределами бинарной конструкции «Восток–Запад».

Эйфория в связи с распадом советского блока, а затем и самого Советского Союза породила представления об однополярном мире – моноцентричной системе под управлением США, действующих на началах безусловной гегемонии и ничем не ограниченного унилатерализма (внешней политики, не принимающей во внимание интересы других участников международной жизни). В течение некоторого времени это была отнюдь не только концептуальная схема: первая администрация президента Дж.Буша-мл. дала множественные основания полагать, что взаимоотношения США с внешним миром выстраивались тогда именно по такому лекалу. Уже в 1990-е годы с очевидной наглядностью выявилась несостоятельность указанного подхода, пересмотр которого становится внешнеполитическим приоритетом во время президентства Б. Обамы. Однако новый пафос международно-политического курса США далеко не всем показался убедительным. В том числе и в самих США – победа Д. Трампа с его лозунгом «вновь сделать Америку великой» возвращала страну в проторенное русло (которое она, по мнению некоторых наблюдателей и аналитиков, даже и не покидала).

Эту тему важно соотнести с вопросом о том, как меняется место страны в мировой экономике и политике. По некоторым параметрам здесь наблюдается понижающая динамика. Иллюстрирующие её статистические данные иногда интерпретируют как свидетельство начавшегося и неотвратимого «американского заката». Не разбирая данный сюжет по существу, отметим: при несомненном относительном ослаблении позиций США сохраняются их огромные возможности воздействия на международную жизнь. Роль этого государства в мировых экономике, финансах, торговле, науке, информатике уникальна и будет оставаться таковой на обозримую перспективу. По размерам и

качеству своего военного потенциала оно не имеет себе равных в мире (если абстрагироваться от российского ресурса в области стратегических ядерных сил).

Восхождение Китая на топ-уровень мировой системы происходило в других временных координатах и по иной траектории. Страна, исторические корни которой уходят вглубь не веков, а тысячелетий, на протяжении долгого времени считала себя Срединной империей, являющейся центром мира. Но от европоцентричной международной системы её отделяло не только гигантское расстояние – крайне ограниченным было и их содержательное взаимодействие. А когда оно стало нарастать, Китай оказался объектом экспансии внешних держав и полем их взаимного противоборства. Параллельно с долгой и трудной борьбой за обретение международной субъектности происходит обострение внутренних противоречий, которые обретают форму многолетней гражданской войны. И лишь в последней трети предыдущего столетия Китай оказывается в состоянии полноценно и весомо войти в международную среду.

Для международно-политического позиционирования он располагал тремя аргументами: демографическим (самая населенная страна мира), статусным (постоянный член Совета Безопасности ООН) и военно-политическим (ракетно-ядерное оружие). Они играли и продолжают играть важную роль. Но главными драйверами превращения страны в одну из ведущих фигур на международной арене стали эффективность внутренних преобразований и беспрецедентно высокие темпы роста на протяжении четверти века.

Впрочем, и в предшествующий период в китайской политике можно обнаружить притязания на лидерство. Это и отказ занять подчиненное (по отношению к СССР) положение в «социалистическом лагере», и попытки обозначить свое видное (если не первостепенное) место в антиимпериалистической борьбе, и стремление переориентировать на себя международное коммунистическое движение. Все эти проявления синдрома лидерства давно стали достоянием истории. Приступив к внутренним реформам, Китай, как представляется, сознательно сократил масштабы и наступательность своей международной активности. Не свернул её – но «взял паузу», сфокусировал внимание на наращивании внутреннего потенциала, который

позднее позволил бы войти в международную систему не в качестве младшего партнера, а наравне с «грандами» и даже опережая их.

Это время наступило в начале нового столетия. К исходу его второго десятилетия Китай превратился в крупнейшую экономическую величину и весомо обозначил свое присутствие во многих районах мира. Теперь уже не ему приходится преодолевать свое отставание – а другим тревожиться по поводу того, как они адаптируются к новой роли Китая. Смогут ли подключиться к тем многомиллиардным инфраструктурным проектам, о которых было объявлено в контексте возрождения Великого шелкового пути? Выдержат ли конкуренцию с китайскими товарами? Не обрушится ли их экономика в случае изменений в китайском хозяйственном механизме или в его финансовой системе?

Китай осторожно, но вполне предметно заявляет о себе и на международно-политическом поле. Достаточно вспомнить его демонстративную твердость в спорах относительно принадлежности островов в Южно-Китайском море.

Таким образом, обе страны, выступают сегодня в качестве игроков первого ранга на международной сцене. В рассуждениях о будущей конфигурации системы международных отношений достаточно часто встречается мысль о том, что она движется в сторону новой биполярности – на этот раз с США и Китаем как главными противостоящими друг другу центрами силы. Будет этот сценарий реализован или нет – в любом случае ясно, что на этих двух странах должно быть сосредоточено аналитическое и политическое внимание.

В фокусе настоящего исследования – не просто США и Китай, их внешняя политика в целом и их взаимоотношения в обобщенном виде. Нас интересует, прежде всего, тот сегмент внешней политики и взаимоотношений двух стран, который касается осуществления ими своих лидерских функций в международной системе.

Понятно, что и США, и Китай могут быть для международной системы как источником серьезных стрессов, так и агентом кооперативного взаимодействия с другими участниками международной жизни. И здесь большую роль будет играть то, как они понимают лидерство в международных делах, как соотносят его со своими специфическими интересами, насколько сбалансированно будут его осуществлять – беря на себя ответственность за

разрешение проблемных ситуаций и, вместе с тем, не вызывая упреков или подозрений в высокомерии, гегемонизме, игнорировании озабоченностей и устремлений других государств.

В вопросах стратегии и практики мирового лидерства Китай и США могут придерживаться разных подходов. Тем более что пути их выхода на этот уровень взаимодействия с внешним миром, как уже отмечалось, неодинаковы. К тому же Китай явно на восходящем тренде по занимаемым на мировой арене позициям, а у США в этом плане максимум уже позади. Так что различия в понимании и реализации лидерских функций неизбежны. На этой почве могут возникать и коллизии во взаимоотношениях двух стран, и дестабилизирующие последствия для международной системы в целом. Сможет ли их объединить тема ответственного лидерства – вопрос открытый.

В настоящем исследовании тема стратегии и практики мирового лидерства в политике США и Китая рассматривается в нескольких ракурсах.

Прежде всего – в контексте важнейших долговременных тенденций во взаимоотношениях двух стран с окружающим миром. Здесь внимание сосредоточено на внешнеполитическом позиционировании общего плана каждой из двух стран. Исследуется и конкретная специфика рассматриваемой проблематики в двух сферах – экономической и военно-политической.

Далее, вопросы партнерства-противостояния США и Китая анализируются с учетом позиции их важнейших внешних контрагентов. В качестве таковых избраны Индия, Япония, Южная Корея, Иран, Европейский союз. Все они в той или иной мере выступают в качестве объектов политики США и Китая, которые «отрабатывают» на них свои подходы к решению задач международно-политического лидерства, могут вступать на этой почве в жесткую конкуренцию или кооперативное взаимодействие. Здесь же возникает возможность увидеть в достаточно широком спектре, как реагирует на указанную политику международное сообщество.

Наконец, вся эта проблематика имеет несомненное значение для России. Векторы её взаимоотношений с США и Китаем сегодня выглядят взаимно противоположными: в первом случае доминирует конфронтационный тренд, во втором провозглашена задача самого широкого всестороннего сотрудничества. Здесь, однако, одинаково

важны и актуальный политический контекст, и оценка долговременных российских интересов. Сегодня для России сближение с Китаем — один из немногих политических ресурсов, позволяющих в какой-то степени компенсировать издержки обрушения отношений со странами Запада. Но в стратегическом плане из этого отнюдь не следует абсолютная и безусловная привлекательность формулы «Россия + Китай versus США и другие страны Запада». Важно при оценке той или иной конкретной ситуации не становиться заложником идеологических или конъюнктурных мотивов.

Когда курс США и Китая в вопросах лидерства на международной арене рассматривается под углом зрения российских интересов, в партнерстве либо противоборстве Вашингтона и Пекина могут выявиться как риски, так и некоторые привлекательные возможности для нашей страны. В исследовании рассматриваются под этим углом зрения два важных для России региональных ареала – постсоветское пространство, прежде всего ЕАЭС (Евразийский экономический союз) и Арктика.

Раздел 1. Динамика отношений США и Китая

1.1. Внешнеполитическое позиционирование и стратегические тренды

Во внешней политике и политике безопасности *США* на китайском направлении целесообразно различать два временных среза – на горизонте порядка 5 лет и долгосрочный. В Соединенных Штатах существует понимание того, что *тактически глубокая экономическая взаимозависимость, развитые торговые, инвестиционные, финансовые связи с КНР – это необходимая и желательная часть ландшафта американского экономического развития. Но на долгосрочную перспективу Китай – как минимум, соперник в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, как максимум, военный противник.*

В американских стратегических документах (Стратегия национальной безопасности, Стратегия национальной обороны, Обзор ядерной политики)² Китай упоминается как конкурент и потенциальный противник, пока региональный, но с возможностью расширения своего влияния за пределы АТР. Соответственно, планы американского военного строительства ориентированы в долгосрочной перспективе на сдерживание Китая.

На уровне американских политических институтов, общества и экспертов сформировалось мнение, что политика, которую США проводили за последние 30 лет в отношении Китая, себя не оправдала. Есть серьезное чувство разочарования. Расчеты и ожидания, что по мере экономического роста Китай будет меняться политически, встраиваясь в международную систему и либерализовываясь, и что международный порядок будет оказывать

---

² National Security Strategy of the United States of America December 2017
<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>;

National Defense Strategy <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

Nuclear Posture Review <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-/1/1/2018->

на Китай большее влияние, чем Китай на его изменения – все они практически не сбылись. Отсюда – чувство тревоги, которое разделяется как на уровне власти и общества, так и на уровне экспертов, и отсутствие единого понимания реальных шагов в политике – слишком высоки экономические риски.

По данным агентства Гэллап, в 2017 году произошло небольшое улучшение отношения американцев к Китаю: 50% общества рассматривали Китай положительно, в то время как в 2016 году такого мнения придерживались 44% американцев, а в 2012 г. – только 41%³. Это самые лучшие показатели с 1989 года, когда за месяц до событий на площади Тяньаньмэнь благожелательно относились к Китаю 72% американцев.

Показательно, что в отношении Китая американское общество разделено жестко по партийной линии: у республиканцев более негативное отношение к Китаю, чем у демократов (38% против 58%)⁴. Это объясняет поддержку электоральной базой Республиканской партии торговой политики Д. Трампа в отношении Китая. При этом 44% американцев считают Китай лидирующей экономической державой, в то время как США называют лидером 42% американцев⁵.

На сегодняшний день позиции экспертного сообщества и институтов власти в США можно поделить условно на три группы. Первая – так называемые «экономические националисты». Они рассматривают Китай исключительно через призму экономики и считают, что Пекин ведет нечестную игру, используя открытость международной торговой системы, в результате чего США оказываются всегда проигравшей стороной. По этой позиции различий между демократами и республиканцами нет.

Вторая группа – «классические ястребы», которые видят основную угрозу в том, что Китай, используя как экономические, так и военные инструменты, вытесняет США из Азии и расширяет

---

³ Lydia Saad. China's U.S. Image the Most Positive in Three Decades//Gallup. 23.02.2017. [электронный ресурс] URL: <https://news.gallup.com/poll/204227/china-image-positive-three-decades.aspx>

⁴ Ibidem.

⁵ Justin McCarthy. Americans Rate China, US as Leading Economic Powers//Gallup. 23.03.2018. [электронный ресурс] URL: <https://news.gallup.com/poll/231380/americans-rate-china-leading-economic-powers.aspx>

свою сферу влияния. В этой группе больше представителей крайне правого крыла Республиканской партии и предлагаемые методы противодействия не исключают открытого военного противостояния.

Третья группа придерживается более оптимистичных взглядов и представляет внешнеполитический и бизнес-мэйнстрим. Ее представители считают, что возвышение Китая, безусловно, представляет экономический и геополитический вызов для США. Однако продуманная, взвешенная политика лидерства может позволить управлять этим возвышением в той мере, которая будет достаточна для мирного сосуществования двух держав.

Взаимодействие США с Китаем остается заложником политической конъюнктуры и внутривнутриполитического расклада сил. Огромное отрицательное сальдо США в товарной торговле с КНР (571 млрд. долл. в 2017 г.) усилило протекционистские настроения в США. И Д. Трамп использовал эти настроения в своей предвыборной борьбе, сегодня же они стали вектором формирования внешнеэкономической политики его администрации. При этом «атака» Трампа четко отражает дуализм подхода США: *сегодня Белому дому необходимо сократить торговый дефицит, но в перспективе – по «соображениям национальной безопасности» - противодействовать технологическому лидерству Пекина.* Отсюда - не только наращивание потока пошлин на китайские товары, но и попытка предотвратить утечку в Китай американских технологий. В качестве преграды в США уже давно сформированы, но теперь активно задействованы такие механизмы как система экспортного контроля и деятельность Комитета по иностранным инвестициям США (КИИ).⁶ За период 2013-2015 г. из 387 проведенных КИИ

---

⁶ В соответствии с поправкой Дж. Эксона - Дж. Флорио, принятой в 1988 к Всеобъемлющему закону о конкуренции и торговле, президент страны был наделен полномочиями блокировать или приостанавливать процессы слияния, поглощения или приобретения американских фирм, если есть основания считать, что действия иностранного инвестора могут угрожать национальной безопасности. Организационной структурой, обеспечивающей применение этого положения, является Комитет по иностранным инвестициям США, возглавляемый министром финансов. На основании расследования КИИ президент выносит решение об одобрении сделки. Наиболее критичным для России и Китая являлось принятое в 1993 г. Конгрессом США дополнение (Byrd amendment), требующее расследования вышеперечисленных сделок компаний, принадлежащих правительствам других стран, контролируемых ими или

расследований 74 касались китайских инвесторов (наибольшая доля из всех стран)⁷.

Эти шаги Трампа можно рассматривать и как его обращение к избирателям с прицелом на промежуточные выборы в Конгресс осенью 2018 г. и президентские выборы 2020 года.

Эксперты, в том числе американские, предостерегают, что стремление Д.Трампа проводить более жесткую протекционистскую политику, путем, в частности, повышения импортных пошлин в отношении Китая, может вызвать торговую войну с непредсказуемыми последствиями. Очевидно, что такое решение проблемы дефицита объективно повлечет за собой переориентацию огромных потоков международной торговли. Попытка перейти к сбалансированной торговле неизбежно затронет производственные структуры, как самих Соединенных Штатов, так и их торговых партнеров. Вместе с тем, сдвиги в международной специализации производства и различия в уровнях издержек делают экономически более выгодным для США ввоз из-за рубежа, а не внутреннее производство многих изделий обрабатывающей промышленности. Импорт в значительной степени повышает качество жизни американцев. В конечном счете, администрации Д.Трампа придется учитывать и эти факторы.

Однако сегодня жесткость Трампа находит поддержку у обеих партий в Конгрессе. Предстоящие ноябрьские выборы в Конгресс вряд ли сильно изменят картину. Индикатором изменений может оказаться бюджетный процесс – обсуждение китайской потенциальной военной угрозы при определении параметров бюджета министерства обороны на 2019 (составил 716 млрд. долл.⁸) и 2020 гг.

действующих от их имени. Еще один закон - The Foreign Investment and National Security Act of 2007 (FISIA) - расширил перечень факторов, которыми следует руководствоваться при принятии решений.

⁷Committee on Foreign Investment in the United States. Annual Report to the Congress. 2017

⁸ President Donald J. Trump is Rebuilding and Readyng Our Military to Defend Against All Threats // The White House, 13.08.2018.

(<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-rebuilding-readyng-military-defend-threats/>).

Во внешнеполитическом позиционировании *Китая* после XIX съезда КПК наметился новый этап. КНР, прежде всего посредством реализации концепции «Пояса и Пути», стремится играть роль одного из глобальных лидеров, но уже не на уровне риторики, а через конкретные механизмы.

Концепция «Пояса и Пути» предполагает реализацию двух проектов - «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», имеющих глобальное и региональное измерения. В глобальном масштабе Китай создает экономическую инфраструктуру в целях укрепления его политического влияния в мире. При этом инфраструктурные проекты служат основой для создания экономических кластеров, где у китайского бизнеса будут преимущества в работе на чужой территории. Значимую роль в концепте играет и гуманитарная составляющая – культурное влияние Китая на сопредельные страны.

США воспринимают китайскую инициативу «Пояса и Пути» как крупный инфраструктурный логистический проект. При этом отношение американского политического, экономического и военного сообществ к «сухопутной» и «морской» составляющим проекта различается.

Сухопутная часть воспринимается, по большей части, позитивно. Американские банки и компании считают перспективным вложение денег в инфраструктурные проекты «по трассе» Пути. Политики считают новый «Шелковый путь» хорошей возможностью вовлечь – китайскими руками и за китайские деньги – в активные экономические процессы Афганистан и Пакистан и, таким образом, повлиять на социально-политическую ситуацию в этих странах. Как позитивный фактор рассматривается и то, что проект позволит высвободить и привести на азиатские рынки центральноазиатские топливно-энергетические ресурсы, а отрыв ЦА от России в экономическом и политическом смысле отнюдь не противоречит интересам США.

Тем временем отношение американских экспертов (в основном военных) к проекту Морского Шелкового пути преимущественно отрицательное. Они в высшей степени озабочены намерением Китая строить порты и участвовать в развитии портовой инфраструктуры в Пакистане, Бангладеш и других странах, а также расширением не только гражданского, но и военно-морского присутствия Китая в Индийском океане и Персидском

заливе. По мнению многих американских экспертов, создание нового морского «Шелкового пути» позволит КНР в еще большей степени оказывать давление на страны Юго-Восточной Азии. Эксперты также полагают, что, развивая логистику для транспортировки топливно-энергетических ресурсов стран Центральной Азии в Китай и Тихоокеанскую Азию в целом, Пекин обеспечивает себе энергетическую безопасность на случай серьезного конфликта и блокады морских путей.

Значение успешной реализации концепции «Пояса и Пути» для экономики КНР и ее позиционирования в мире огромно. В свою очередь, намеченный охват практически всех регионов мира (от Пекина до Лондона и Мадрида, Юго-Восточной Азии, Африки, Австралии, Новой Зеландии, Латинской Америки) предопределяет необходимость поддержания стабильной ситуации по всем направлениям «Шелкового пути». Именно эти сверхзадачи и определяют краткосрочную и среднесрочную стратегию КНР в отношении США. Поэтому Пекин готов к соперничеству, но в большей мере его устраивает позитивное, либо нейтральное отношение Вашингтона к проектам в рамках «Пояса и Пути».

Китай пошел на беспрецедентные шаги – два саммита в 2017г. Причем визит Дональда Трампа в Китай получил статус «Саммит Плюс», что свидетельствовало о его значимости для Пекина. По итогам саммита были достигнуты серьезные договоренности по СПГ, по допуску всех иностранных компаний, в частности и американских, в ранее закрытые сектора экономики (финансы, страхование, медицина, поставки продукции на рынок Китая).

В этом же ряду и взвешенная и с некоторым временным «запаздыванием» реакция КНР на торговый демарш США: на первых порах Пекин, в отличие от Вашингтона, не стал возводить мартовскую (2018 г.) порцию введенных пошлин в ранг «угрозы национальной безопасности», но инициировал разбирательство в ВТО против односторонних действий США по поставкам солнечных панелей, стали и алюминия. Однако ускоряющееся развитие событий вынудило Китай перейти к ответному введению пошлин на американские товары.

Так что «хроника торговой войны США-Китай» на сегодня выглядит, укрупненно, следующим образом.

В соответствие с указом Д.Трампа о мерах по отношению к странам, допускающим нарушения законов о торговле («*Establishing Enhanced Collection and Enforcement of Antidumping and Countervailing Duties and Violations of Trade and Customs Laws*⁹»), активизировалось применение США антидемпингового и компенсационного законодательства. Американская администрация обратилась к «спящим законам». Так, раздел 301 Акта о торговле 1974г. позволяет американским властям принимать жесткие меры в ответ на «несправедливую» торговую практику. Президент США имеет полномочия «принять все необходимые меры, чтобы нивелировать последствия любых действий иностранного правительства, которые нарушают международное торговое соглашение, или носят дискриминационный характер, или ограничивают торговлю США».¹⁰ Статья 201 Акта о торговле позволяет временно вводить дополнительные таможенные пошлины для защиты американских производителей от наплыва импорта.¹¹

На основе Акта о торговле 1974 г. «из соображений национальной безопасности» с 23 марта 2018 г. распоряжением Трампа были введены ограничения на импорт стали и алюминия – соответственно 25%-ная и 10%-ная пошлины. Эти ограничения, хотя и не были формально привязаны к конкретной стране, но затронули непосредственно и Китай. После этого Китай начал отвечать на ограничительные меры США незамедлительно и адекватно. Со 2 апреля 2018 г. Китай ввел пошлину в размере 15% на импорт 120 торговых наименований и 25% на импорт 8 товаров из США на общую сумму 3 млрд.долл., среди которых свинина, фрукты, авиатранспорт, телевизионное и медицинское оборудование.¹²

---

⁹ Presidential Executive Order on Establishing Enhanced Collection and Enforcement of Antidumping and Countervailing Duties and Violations of Trade and Customs Laws. The White House. Washington, DC, March 31, 2017

¹⁰ Public Law 93-618 (<https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1978-2.pdf>)

¹¹ Trade Act of 1974. Public Law 93–618, as amended through P.L. 115–141, Enacted March 23, 2018. House Office of the Legislative Counsel. Washington, DC, March 23 2018

¹² Китай ввел пошлины на 128 наименований импортируемых из США товаров // Газета "Жэньминь жибао" он-лайн (<http://russian.people.com.cn/n3/2018/0402/c31518-9444384.html>).

6 июля с.г. под предлогом защиты американской интеллектуальной собственности (ст. 301) было объявлено о введении дополнительных пошлин на импорт китайских товаров общей стоимостью 34 млрд. долл. На первом этапе вошли в силу 25%-ные пошлины на товары из списка 1, включавшего авиатехнику, навигационное оборудование, ЖК-дисплеи, части для принтеров, насосное оборудование, холодильники и другие товары. Список 2 - интегральные схемы и полупроводниковые приборы может войти в силу после завершения публичных слушаний.¹³

В ответ на это Китай в тот же день ввел пошлины в размере 25% на импорт американских товаров по 545 торговым наименованиям на сумму 34 млрд.долл. В список вошли сельскохозяйственная продукция, в том числе соя и свинина, автомобили и продукция водного промысла.¹⁴

23 августа с.г. США одобрили второй транш пошлин в размере 25% на импорт китайских товаров по 279 торговым наименованиям на общую сумму 16 млрд.долл. В список попали мотоциклы, тракторы, комплектующие для строительства железных дорог, радиотехника, моторы и сельскохозяйственное оборудование.¹⁵ В ответ Китай ввел пошлины в размере 25% на импорт американских товаров по 141 торговым наименованиям на сумму \$16 млрд., среди которых продукция химической и энергетической промышленности, медицинское оборудование.¹⁶

Предпринятые США меры, в числе других факторов, спровоцировали замедление темпов роста экономики и экспорта Китая. Однако *в плане их воздействия на торговлю они оказались контрпродуктивными. По итогам января – июля с.г. дефицит США в торговле с Китаем товарами увеличился на 8,7% по сравнению с*

---

¹³ Полный список товаров, попавших под пошлины, здесь - <https://ustr.gov/sites/default/files/enforcement/301Investigations/List%201.pdf>

¹⁴Список товаров, импортируемых из США и подлежащих обложению пошлинами] (<http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201806/P020180616034361843828.pdf>)

¹⁵ Полный список товаров, импортируемых из КНР и попавших под пошлины, здесь <https://ustr.gov/sites/default/files/enforcement/301Investigations/Final%20Second%20Tranche.pdf>

¹⁶Список товаров, импортируемых из США и подлежащих обложению пошлинами] (<http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201806/P020180616034362364988.pdf>).

соответствующим периодом прошлого года. При этом в июле 2018 г. он оказался наибольшим за всю историю США.

Американцы оказались не готовы резко увеличить поставки в Китай СПГ и других товаров и не нашли пока замены китайскому импорту. Снижение поставок затронуло 89% американских сельскохозяйственного экспорта в эту страну. Нарушены глобальные цепочки поставок компьютерной техники и электроники. Пострадавшими оказались интересы американских корпораций в Китае, включая *Apple* и *Intel*.

В ходе двусторонних торговых переговоров в августе с.г. американские переговорщики сместили акценты с вопросов торгового баланса на требования проведения Китаем структурных реформ в экономике. После уплаты компанией ZTE штрафа в размере 1,4 млрд. долл. были приостановлены введенные ранее ограничения на импорт смартфонов, поставляемых в США этой компанией.¹⁷

Исходя из задачи противодействия потенциальному технологическому лидерству Пекина, в июле 2018 г. США опубликовали список из 6000 товаров из Китая на сумму 200 млрд.долл., которые в ближайшее время планируется обложить пошлиной в размере 10%. Они затронут сектора, обозначенные как стратегические в масштабном китайском плане развития «Made in China 2025»: аэрокосмическую промышленность, ИТ и коммуникационные технологии, машинное оборудование.¹⁸

В свою очередь, 4 августа 2018 г. Госсовет КНР утвердил список американских товаров на сумму в 60 млрд.долл. (25% в отношении 2 493 наименований, 20% - для 1078 наименований, 10% - для 974 наименований, 5% - для 662 наименований), которые будут введены в случае новых тарифных ограничений со стороны США на импорт китайской продукции на сумму 200 млрд.долл.¹⁹ В

---

¹⁷ September 2018 Trade bulletin. U.S. – China Economic and Security Review Commission, September 5, 2018

¹⁸ Office of the United States Trade Representative URL:
https://ustr.gov/sites/default/files/301/2018-0026%20China%20FRN%207-10-2018_0.pdf

¹⁹ 国务院关税税则委员会关于对原产于美国的部分进口商品 (Решение Тарифной комиссия Госсовета КНР о некоторых товарах, ввозимых из США) // Министерство финансов КНР Электронный ресурс:
http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/t20180803_2980950.html

списке – сельскохозяйственная продукция, морепродукты, цветы, мясо, полуфабрикаты, драгоценности, продукция химической промышленности.²⁰

13 августа с. г. Трамп подписал Закон об ассигнованиях министерству обороны на 2019 финансовый год (*National Defense Authorization Act for FY 2019*), составной частью которого являются Закон «О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций» (Title XVII. *Foreign Investment Risk Review Modernization Act – FIRRMA*), усовершенствующий деятельность Комитета по иностранным инвестициям США, и Закон о реформе экспортного контроля (*Export Control Reform Act of 2018 – ECRA*), модернизирующий систему контроля над экспортом продукции коммерческого, двойного назначения и менее чувствительной (*less sensitive*) военной продукции.

FIRRMA усиливает контроль над прямыми иностранными инвестициями в США по соображениям национальной безопасности. Он расширяет тип транзакций, подпадающих под действие КИИ. Оно теперь распространяется на миноритарные инвестиции в «компании, располагающие критическими технологиями» («critical technology companies»), «критическую инфраструктуру», на сделки с недвижимостью, расположенной около военных баз или других «чувствительных» правительственных объектов. Закон требует от министра торговли каждые два года представлять в Конгресс всеобъемлющий отчет о прямых инвестициях Китая в США.

ECRA расширяет определение термина «технологии, подлежащие ЭК». Закон требует от президента формирования межведомственного процесса для идентификации «зарождающихся» (*emerging*), «базовых» (*foundational*) или иных видов «критической технологии», которые не попали в другие списки экспортного контроля, но, тем не менее, являются существенными для поддержания технологических преимуществ США. Закон также требует от Министерства торговли к маю 2019

---

²⁰ Полный список товаров, на которые планируется ввести пошлины, здесь - <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/P020180803711628159425.pdf>; <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/P020180803711628507212.pdf>; <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/P020180803711628844240.pdf>; <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/P020180803711629144210.pdf>

пересмотреть правила регулирования экспорта, касающиеся стран, попавших под эмбарго поставок вооружения (включая КНР).

Характеризуя в целом данный этап взаимоотношений США и Китая, можно считать, что *в американской политике на китайском направлении идет поиск нового баланса между стратегией экономического и политического (но уже без попыток «демократизации») вовлечения Китая и стратегией его системного сдерживания.*

Пекин старается отвечать на новые американские претензии в кооперативистском ключе, акцентируя внимание на необходимости укреплять взаимное доверие и правильно понимать Китай, который не собирается отходить от курса на партнерство с США. Однако в условиях нового американского давления Китаю придется, видимо, идти на новые уступки США, на новые договоренности, чтобы очередная фаза ухудшения китайско-американских отношений не стала помехой для реализации его собственных глобальных планов.

В обозримой перспективе на характере отношений Китая и США может начать сказываться внутренняя политическая ситуация в КНР. Уже сегодня в стране наряду с традиционалистами, воспринимающими США как соперника и врага, есть достаточно влиятельные группы, видящие в США преимущественно источник капитала, новых технологий и возможностей для укрепления своих собственных позиций. Нельзя не учитывать и сильную «американизированность» китайской молодежи.

1.2. Специфика экономических отношений

Экономические отношения США и Китая – это отношения двух крупнейших экономических держав, которые по объему ВВП занимают первое и второе места в мире. Если считать по ППС, на первом месте – Китай, если по курсу валют – США. В основе этих отношений – очень сильная взаимозависимость, что, прежде всего, проявляется в большом объеме внешнеторгового оборота, который резко увеличился после вступления Китая в ВТО в 2001 г.

С 2001 по 2017 гг. экспорт товаров из США в Китай вырос в 6,8 раза (на фоне увеличения общего объема американского экспорта примерно в 2 раза), импорт из Китая в США – в 5 раз, общий двусторонний товарооборот – в 5,2 раза. Если в 1979 г. внешнеторговый товарный оборот между США и Китаем был равен 2 млрд. долл., в 2001 г. – 121,5 млрд., то в 2017 г. он достиг 636 млрд. долл. (экспорт – 130 млрд., импорт – 506 млрд.).

Сразу после вступления в ВТО Китай использовал свое конкурентное преимущество, как глобального поставщика дешевой рабочей силы. Американские компании массово переносили производство в Китай. Импорт дешевых товаров массового потребления из Китая положительно сказался на благосостоянии американцев, особенно бедных слоев и среднего класса. Данные по влиянию «торгового шока» (импорта товаров из Китая) на сокращение рабочих мест в промышленности США противоречивы, но большинство исследователей сходится в том, что в основном это сокращение произошло под влиянием НТП. Однако в последние годы появился ряд статей, утверждающих, что «торговый шок» действительно привел к потере рабочих мест в промышленности в ряде отраслей и регионов США.²¹ Что было использовано администрацией Трампа в предвыборной кампании.

В 2010 г. Китай опередил США по объему промышленного производства, заняв первое место в мире по производству промышленных продуктов.²² В настоящее время наличие дешевой рабочей силы уже не является основной характеристикой Китая. Примерно с 2010 г. главным привлекательным фактором Китая для американских компаний стал огромный потенциальный объем китайского внутреннего рынка. Например, компания «Дженерал Моторс» за период 2011-2016 гг. продала в Китае больше автомобилей, чем в США. В связи с ожидаемым быстрым ростом китайского среднего класса (который, по прогнозам, к 2026 г. превысит все население США), американские компании

---

²¹ См., например, D.H. Autor, D.Dorn, G.H. Hanson. The China Shock: Learning from Labor-Market Adjustment to Large Changes in Trade. *Annu. Rev. Econ.* 2016.8:205-240. (<https://www.ddorn.net/papers/Autor-Dorn-Hanson-ChinaShock.pdf>), L.Caliendo, M. Dvorkin, F.Parro. Trade and Labor Market Dynamics: General Equilibrium Analysis of the China Trade Shock. Federal Reserve Bank of St. Louis, Working Paper 2015-009D (<https://doi.org/10.20955/wp.2015.009>)

²² <https://www.mapi.net/blog/2014/01/china-has-dominant-share-world-manufacturing>

заинтересованы в доступе к этому сегменту рынка, который включает не только товары, но и услуги.

Сейчас Китай является крупнейшим торговым партнером США. В 2016 г. доля Китая в американском объеме товарной торговли составила 16,4%. Китай является крупнейшим поставщиком импортных товаров в США (в 2016 г. доля Китая составила 21,6% всего объема импорта США) и третьим по размеру экспортным рынком США (на его долю приходится 8,4% американского экспорта). Основные экспортные товары США в Китай – это зерно, соевые бобы, самолеты, электрооборудование, инструменты и автомобили. Китай в 2016 г. был вторым по величине экспортным рынком сельхозпродукции США.

Китай импортирует в США разные виды оборудования, компьютеры, мебель, игрушки, спортивное снаряжение, одежду и обувь. В структуре американского импорта из Китая в 2016 г. 31,9% (147 млрд. долл.) пришлось на высокотехнологичную продукцию, а доля Китая в общем объеме американского импорта высокотехнологичной продукции равна 34,4%. Торговый дефицит США с Китаем по высокотехнологичной продукции в 2016 г. составил 114 млрд. долларов²³.

Дефицит внешнеторгового баланса является одним из главных предметов озабоченности США в экономических отношениях с Китаем. В 2017 г. он превысил 375 млрд. долларов (при экспорте 130 млрд. долл., импорте 505,6 млрд. долл.). В США существует торговый дефицит не только с Китаем, но и почти со всеми другими странами, суммарный торговый баланс США также отрицательный. Однако дефицит с Китаем более чем в пять раз превышает также большие дефициты торгового баланса США с Мексикой, Японией или Германией.

В то же время, США имеет профицит во внешнеторговом обороте услуг с Китаем (38 млрд. долл. в 2016 году). Двусторонний товарооборот услуг в 2016 г. составил 70,3 млрд. долл. США заинтересованы в дальнейшем развитии экспорта услуг, особенно в сфере финансов, но наталкиваются на ограничения со стороны Китая.

---

²³ China-U.S. Trade Issues. Congressional Research Service. 23.01.2018.
https://www.everycrsreport.com/files/20180123_RL33536_5778d87fc22d925541f905b1b233bd875f2174fd.pdf p.8

Двусторонний поток прямых инвестиций между США и Китаем по сравнению с масштабом их экономик и торговых связей парадоксально мал. Из общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций США на Китай приходится около 1%, Китай же занимает 12 место в списке стран по объему поступления американских прямых зарубежных инвестиций. По официальным данным США, объем накопленных американских ПИИ в Китай в 2016 г. достиг 92,5 млрд. долларов (по оценкам независимых экспертов, уровень ПИИ между двумя странами в 2-4 раза выше официальных цифр). Наибольший объем американских инвестиций приходится на обрабатывающую промышленность, розничную торговлю и небанковские холдинговые компании. В 2015 г. китайские инвестиции в США впервые превысили американские инвестиции в Китай. Накопленные китайские инвестиции в США в 2016 г. достигли 27,5 млрд. долл., в основном они идут в обрабатывающую промышленность, недвижимость и депозитные институты. Поток китайских инвестиций в США достиг максимума в 2016 г., а в 2017 г. резко снизился из-за введения в Китае ограничений на исходящие из страны зарубежные инвестиции.

Объективно торгово-инвестиционные отношения Китая и США характеризуются большим дефицитом внешнеторгового баланса и низким уровнем двусторонних прямых инвестиций. Для уменьшения торгового дефицита и облегчения доступа американским компаниям на рынки Китая США считает необходимым либерализацию Китая его торгового и инвестиционного режима. По мнению Вашингтона, Пекин должен прекратить использование государственной политики в целях защиты и продвижения некоторых отраслей и государственных предприятий. США требуют снятия барьеров для доступа на внутренние рынки Китая, равных условий конкуренции, снижения ввозных пошлин, отмены субсидий государственным предприятиям, сокращения избыточных производственных мощностей, отмены требований к местному хранению данных и других ограничений на деятельность иностранных компаний. Помимо прямого эффекта, это, по мнению США, ускорило бы реформы в Китае и интеграцию Китая в мировую экономику и заставило бы Китай «жить по правилам».

Китай в качестве меры по снижению торгового дефицита предлагает увеличение экспорта американских товаров в Китай,

прежде всего, за счет снятия ограничений на экспорт высокотехнологичной продукции. Однако это не устраивает США. Комплекс проблем, связанных с *охраной прав интеллектуальной собственности* и без того является одним из наиболее чувствительных для американской администрации. Особую остроту этому вопросу придает тот факт, что США усматривают в этом потенциальные претензии Китая на конкуренцию в научно-технической области, традиционно являющейся сферой доминирования США. США обвиняют Китай в создании условий для вынужденного трансфера технологий и ноу-хау при помощи различных мер регулирования, в т.ч. через законодательное вынуждение создания совместных предприятий, прямое административное принуждение к передаче патентов, требования обязательного хранения данных на местных серверах. Китай, по мнению США, не предпринимает меры против кибершпионажа, промышленного шпионажа, фальсификации фирменной продукции, пиратства, и даже поощряет их. По оценке Национального бюро азиатских исследований, США ежегодно теряют в результате фальсификаций, пиратства и воровства торговых секретов до 600 млрд. долл.²⁴ (что сопоставимо с годовым двусторонним товарооборотом).

Экономическое развитие Китая в последние годы характеризуется в КНР понятием «новая нормальность», которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики страны после мирового экономического кризиса 2008 - 2009 годов. «Новая нормальность» обозначает стремление руководства КНР достичь к 2020 г. цели построения в Китае общества «малого благоденствия» и в новых условиях для решения этой задачи обеспечить устойчивое развитие при снижении темпов прироста ВВП до 6-7% годовых.

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) подвел черту под 40-летием проводимых в стране экономических реформ. Сравнение результатов социально-экономического развития Китая за этот период с результатами таких стран, как Индия и Россия

---

²⁴ The Theft of American Intellectual Property. Reassessment of the challenge and the U.S. Policy. Update to the IP Commission Report. 2017
http://www.ipcommission.org/report/IP_Commission_Report_Update_2017.pdf

свидетельствует о заметном отрыве КНР. В частности, если в начале 80-х гг. Китай и Индия находились примерно на одном уровне, то в настоящее время КНР по номинальному показателю ВВП опережает партнера уже в 4 раза.²⁵ Экономика России 25 лет назад по своим масштабам была больше китайской, в настоящее же время объем российской экономики составляет всего 1/7 часть китайской, и одна китайская провинция Гуандун по объему ВВП обогнала экономику РФ.

По данным на конец 2017 г. объем ВВП Китая составил 82,7 трлн.юаней или 12,5 трлн.долл. *Китайская экономика развивается более быстрыми темпами и является своего рода драйвером мировой экономики.* Китай сохраняет лидирующее положение в мире в сфере внешней торговли – 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место по объему импорта. В валютно-финансовой сфере Китай становится одним из основных игроков на международном финансовом рынке, и китайский юань вошел в корзину обязательного резервирования МВФ наряду с американским долларом, евро, британским фунтом и японской иеной.

Заметных успехов добился Китай и в социально-экономической сфере. Уже большая часть населения – 57,35% превратились в городских жителей. Заметно вырос жизненный уровень населения в городе и деревне не только по сравнению с 1978 годом – первым годом реформы, но и с 2000 годом. По средней заработной плате рабочих и служащих в городах в конце 2016 года – примерно 4000 юаней в месяц (около 40 тыс. рублей в месяц) Китай уже обогнал Россию (примерно 30 тыс.рублей в месяц).²⁶ Большая часть китайского населения, как городского, так и сельского, уже охвачена различными системами социального страхования: пенсионного обеспечения, различных форм медицинского страхования, пособиями по безработице и другими видами.

Заметны и достижения в области науки и техники. Был осуществлен запуск человека в космос, создается космическая станция «Тяньгун» («Небесный дворец»), батискаф «Цзяолун»

---

²⁵ International Monetary Fund – 2017.

²⁶ Средняя заработная плата по 10-процентным группам работников. / Федеральная служба государственной статистики. 01.08.2017. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zpl3.xls

(«Водяной дракон») спустился на глубину более 7000 метров в Марианской впадине в Тихом океане. Только в 2017 г. Китай добился заметных успехов в реализации таких крупных проектов, как создание рентгеновского космического телескопа, производство устойчивого к морской воде риса, добыча «горючего льда», введение в эксплуатацию в Шанхае автоматизированного порта Яншань, завершение строительства самого длинного в мире моста Сянган – Чжухай – Аомынь (Макао), запуск высокоскоростного поезда нового поколения «Фусин».

Политику Китая в финансовой сфере в последние десятилетия можно характеризовать как финансовый экспансионизм, используемый как механизм стимулирования экономического роста. Поэтому финансовая машина Китая растет быстрее реальной экономики. В Китае возникает новое ядро глобальных финансов, которое неизбежно будет конкурировать с США:

Соотношение показателей – Китай к США, %	2000 (01)	2010	2016
Денежная масса ²⁷	25	86	133
Кредит нефинансовому сектору ²⁸	8	30	58
Капитализация рынка акций ²⁹	Нет данных	23	27

В Китае создан второй по объему рынок акций в мире. Сейчас это уже почти треть рынка акций США.

Хотя юань остается не вполне рыночной валютой, тем не менее, по своему значению с сентября 2016 г. он был включен в корзину МВФ под выпуск СДР, а с 2017 г. юань присутствует в международных валютных резервах стран мира, в частности, у Европейского центрального банка. В международных и внутреннем платежном обороте юань является на декабрь 2017 г. валютой №5 (после доллара, евро, фунта стерлингов и иены) - 1,6% платежного

²⁷ Показатель на конец года. Китай – Money + Quasi-Money (пересчет по курсу юаня к доллару США на конец года), США – BroadMoney. IMF International Financial Statistics

²⁸ Показатель на конец года, в долл. США. Включает долги населения, бизнеса и правительства во всех финансовых инструментах, в т.ч. ценных бумагах. BISStatistics

²⁹ Показатели на конец года, в долл. США. Китай (Shanghai + Shenzhen), США (NYSE + NASDAQ). WFE Annual Statistics

оборота (доллар США – 40%, евро – 35,7%, британский фунт – 7,1%, иена – 3%).³⁰ В торговых расчетах между США и Китаем только 5% платежей происходит в юанях, однако с Японией это больше 20%, а с Великобританией – около 50%.³¹ В апреле 2018 г. Китай смог реализовать свою давний план и приступил к торговле нефтью за юани на Шанхайской бирже. *В среднесрочной перспективе юань может стать третьей резервной валютой.*

Китай занимает четвертое место в мире по входящим ПИИ (первые места занимают Нидерланды, США, Люксембург). По данным МВФ (2016 г.), в Китае накоплены 2,9 трлн. долл. входящих ПИИ (в США – 7,4 трлн. долл.).

*Налицо сверхконцентрация валютных резервов Китая в госдолге США - 1,2 трлн. долл. или 19% американского госдолга, находящегося в собственности нерезидентов.*³²

Разброс статистических данных очень велик: накопленные прямые инвестиции из США в Китай по различным оценкам составляют от 75 до 400 млрд. долл., из Китая в США – от 15 до 150 млрд. долл.³³ Ни США, ни Китай по официальной статистике не входят в первые 5 топ-стран инвесторов друг для друга.³⁴ Важнейшую роль играют офшоры.

Проведенные российскими экспертами расчеты связи финансовых рынков США и Китая на длительном периоде и на отдельных отрезках свидетельствуют о высоком уровне корреляции между этими рынками именно в моменты движения вниз, что связано с системным риском глобальной цепной реакции. Рынок акций Китая существует пока в более-менее самостоятельном движении, еще не полностью синхронизирован с рынком акций США, но уровень синхронизации постепенно нарастает по мере нарастания объемов финансовой системы внутри глобальных финансов.

---

³⁰ RMB internationalization: Where we are and what we can expect in 2018. SWIFT. RMB Tracker January 2018.

³¹ Там же.

³² US Treasury, December 2017

³³ По различным метрикам, на конец 2015 г. Hanemann T., Rosen D.H., Gao C. Two-Way Street 25 Years of US-China Direct Investment. A report by Rhodium Group and the National Committee on U.S.-China Relations. November 2016

³⁴ IMF CDIS (Coordinated Direct Investment Survey), 2016

Корреляция фондовых индексов Dow Jones Composite Average и SSE Composite (Shanghai Stock Exchange) в 2000 – 2017 годах составила 0,56³⁵, но в моменты кризисов (в период 30 октября 2007 г. – 10 августа 2009 года) возросла до 0,67. В последнее время корреляция рынков особенно высока - 0,82 (1 августа 2016 г. – 14 февраля 2018 г.). Еще предстоит оценить, случайное ли это совпадение трендов или рынки уже начинают все более и более синхронное существование.

По мере нарастания спроса и объема финансовой машины Китая, будет нарастать *конкуренция за входящие иностранные инвестиции*. Накопленный остаток иностранных инвестиций в Китай: по прямым - 39% аналогичного показателя США; по портфельным - 5% показателя США; по прочим (кредиты корпорациям) – 19% США.³⁶ Эти данные все время меняются, при этом достаточно быстро увеличивается доля Китая.

Поскольку Китай начал себя активно вести как внешний инвестор, возникает *конкуренция Китая и США в инвестициях из страны на внешние рынки*. Накопленный остаток инвестиций из Китая во внешний мир: по прямым - 18% аналогичного показателя США; по портфельным - 4% США; по прочим – 42% США.³⁷ Сравнение этих показателей со значениями 10-летней давности показывает, что доля Китая значительно выросла. На этом направлении Китай успешно действует в догоняющем режиме и по прямым, и по портфельным, и по прочим инвестициям во внешний мир.

Огосударствленная финансовая система Китая перегружена различными ограничениями, как для внутренних игроков, так и для нерезидентов. В условиях контроля со стороны государства над крупными сделками слияний и поглощений контроль над портами, стратегическими предприятиями и т.п. получает прежде всего китайский инвестор.³⁸

США на протяжении длительного времени добивались от Китая либерализации банковского законодательства и получения

---

³⁵Период с 4 января 2000 г. по 14 февраля 2018 г., по ежедневным данным (абсолютные значения).

³⁶ IMF International Financial Statistics

³⁷ Ibid

³⁸Committee on Foreign Investment in the United States (CFIUS) Reports

возможности доступа американских банков, а не их аффилированных представителей, к работе на китайском рынке. Однако Китай снимает ограничения осторожно – он повторяет траекторию других азиатских стран «экономического чуда», когда форсировано, с большими административными ресурсами и в не полностью рыночных условиях создавалась огосударственная финансовая система, которая затем очень осторожно «отпускалась».

При оценке *степени зависимости экономик США и Китая от торгово-экономических и финансовых отношений двух стран* мнения отечественных экспертов расходятся. Часть из них отмечают, что китайская экономика развивается более быстрыми темпами, чем американская, в сфере внешней торговли на китайском треке США имеют постоянный дефицит, а по объему прямых инвестиций и количеству действующих предприятий с китайским капиталом Китай уже давно опередил США. Китай является одним из крупнейших держателей госдолга США. Все это делает для американской экономики крайне некомфортной гипотетическую ситуацию с отказом по политическим соображениям от китайского импорта и прямых инвестиций. Тем временем для Китая, по мере успешной реализации инициативы «Один пояс – один путь», снижение показателей объема внешней торговли и инвестиций из США будет становиться все менее важным фактором.

Другие считают, что в целом китайская экономика гораздо больше зависит от внешнего рынка, чем экономика США – в 2017 г. на товарный экспорт приходилось 19,1% ВВП Китая, а в США экспортная квота составляла всего 8,0%. На экспорт в США приходится 22,1% товарного экспорта Китая; а американский экспорт в Китай составляет всего 8,4% товарного экспорта США. Потеря только одного американского рынка (а в случае каких-либо проблем в отношениях с США, Китай может столкнуться и с консолидированной позицией стран Запада) будет катастрофой для китайской экономики. Для американской же экономики в 19,4 трлн. долл. (2017 г.) потеря китайского экспортного рынка, объемом в 130,4 млрд. долл., конечно, велика, однако, даже если не будут найдены другие рынки сбыта, не критична. Что касается импорта в 505,6 млрд. долл., его высокотехнологичная часть производится в Китае на базе американских технологий и быстро может быть

воссоздана на территории США, чему способствует начавшаяся роботизация производства. А поставки из Китая товаров широкого потребления легко замещаются аналогичными поставками из Индии, Индонезии, Вьетнама, Малайзии и других стран ЮВА.

Эта объективная двойственность ситуации определяет то, что даже при усилении конфликтности обе стороны будут стремиться сохранить развитие торгово-экономических отношений.

Сравнительные показатели товарооборота и прямых инвестиций США в Китай и Россию (в млрд. долл.)

Показатели	КНР	РФ
Товарооборот США (2017 г.)	636	24
Экспорт	130	4
Импорт	505	17
Прямые инвестиции США за границей (2016 г.)	92,5	10,6

Источник: *Department of Commerce*

В сфере энергетики США и Китай практически независимы друг от друга, их отношения строятся на чисто рыночной основе, и в них существенную роль играет фактор транспортных издержек. Основная заинтересованность китайской стороны состоит в получении данных об американских технологиях в области производства СПГ и добычи неконвенциональных углеводородов (сланцевый газ и трудно извлекаемая нефть). Китайские компании заключили несколько долгосрочных контрактов по импорту СПГ из США с привязкой цены к Henry Hub. Подписаны соглашения о намерениях по инвестированию более 40 млрд. долл. в развитие производства СПГ на Аляске (по масштабам это сопоставимо с соглашениями КНР по СПГ с Россией и Австралией). КНР реализует очень интенсивное информационное, научное и ОКР сотрудничество по вопросам энергоэффективности и технологической перестройки электроэнергетики на уровне крупнейших научных и технологических центров и лабораторий.

Пекин заинтересован в использовании опыта США по трансформации электроэнергетики (smart grid, распределенная энергетика), поскольку построить эту систему без США не удастся.

Важный *новый аспект – сотрудничество США и КНР в третьих странах в периметре «Пояса и Пути»*. Китай приветствует и поощряет участие здесь крупнейших американских энергетических компаний. Так, General Electric выбрана Китаем при реализации проектов электроэнергетики на постсоветском пространстве и в Центральной Европе.

В тактическом плане взаимоотношения США и Китая в энергетике будут строиться с учетом того, что в 2017 г. Китай стал крупнейшим мировым импортером нефти и вторым по объему импорта СПГ. Спрос на нефть и газ в Китае продолжит расти, и американские компании постараются этим воспользоваться.

Стратегически позиция Вашингтона будет определяться тем, что глобальная структура энергетической безопасности, поддержка стабильной работы мирового рынка нефти создана и оплачивается главным образом США (военные базы, флоты, поддержка стабильности режимов в ключевых нефтеэкспортирующих странах). США ищут способ заставить другие страны активнее включаться в софинансирование этой системы, но при этом не готовы отказаться от роли ее центра. Китай подвигнуть на соучастие трудно – он не член военного союза США и имеет собственную повестку дня.

1.3. Специфика военно-политических отношений

В сфере военно-политических отношений США и Китая в последнее время произошел ряд существенных изменений, как в доктринальном обеспечении, так и в системах вооружений.

В США до последнего времени концепция стратегической стабильности в отношении Китая в большей степени была основана на стремлении к обеспечению транспарентности китайских СЯС, чем на обеспечении потенциала ответного удара. Положения последнего Обзора ядерной политики (февраль 2018)³⁹ США делают заметный акцент на росте угрозы со стороны Китая, констатируя, что Китай (вместе с Россией) пополняет свои арсеналы новыми

---

³⁹ Nuclear Posture Review 2018.

<https://dod.defense.gov/News/SpecialReports/2018NuclearPostureReview.aspx>

видами ядерных средств, усиливая роль ядерных сил в своей стратегии, и ведет себя все более агрессивно. В документе содержится предупреждение, что прямой военный конфликт США с Китаем будет иметь потенциал перерасти в ядерный, что *ставит на повестку дня военной стратегии США реализацию в отношении Китая концепции ядерного сдерживания*. При этом допускается возможность «дозированного ядерного ответа», если сдерживание не сработает. Одновременно ставится цель «повысить гибкость и многообразие ядерного потенциала США, в том числе допустив возможность использования ядерного оружия малой мощности».

Для укрепления реалистичности сдерживания намечается модернизация ряда ядерных средств, которые могут быть использованы против Китая. Речь идет о ядерных БРПЛ, КРМБ и КРВБ с зарядами пониженной мощности, а также новой модели бомбы свободного падения В-61-12 с боеголовками малой мощности. Программа ПРО США в заметной степени нацеливается на Азиатско-Тихоокеанский регион - 70-80% РЛС ПРО и перехватчиков размещены именно в этом регионе, здесь же развернуты 16 из 24 кораблей с системами Иджис (Aegis). РЛС ПРО развернуты также на кораблях союзников США.

Степень выживаемости стратегического потенциала Китая оценивается сегодня в США достаточно низко – считается, что в любом сценарии потенциального конфликта у Китая не останется достаточно средств для преодоления противоракетной системы США. Разрабатываемые в США гиперзвуковые планирующие летательные аппараты программы быстрого глобального удара будут готовы преодолевать систему ПРО КНР, которая прикрывает береговые пусковые ракетные установки, способные нанести первый удар по кораблям США, и противоспутниковые системы.

Китай сейчас начинает новый этап реформы вооруженных сил, рассчитанный до 2020 года. По официальным данным, в 2017 году военные расходы КНР составили 150,4 млрд. долл., по оценкам SIPRI – более 220 млрд. долл. В 2016 году была завершена перестройка всей системы органов военного управления КНР, продолжаются изменения в структуре вооруженных сил, направленные, прежде всего, на сокращение сухопутных войск, перенос центра тяжести на флот и создание очень мощного

экспедиционного потенциала для действий в глобальном масштабе. Идет строительство надводных океанских сил флота, в том числе специализированных кораблей для обеспечения десантных операций значительного масштаба на большом удалении от своей территории. В 2015 г. китайский флот получил первую морскую десантную платформу - вид кораблей, которые существуют только в США.

Для реализации концепции «обороны в ближних морях» (создание потенциала по сковыванию и воспреещению действий США в Западной части Тихого океана) и «защиты зарубежных интересов» в КНР наращиваются соответствующие асимметричные возможности, в том числе, уникальные виды вооружений, такие как противокорабельные баллистические ракеты. Накапливается потенциал по проведению кибератак против транспортной инфраструктуры для срыва переброски американских войск в регион.

Очень важной точкой роста являются китайские ядерные силы. Пока что, по большинству надежных оценок, Китай обладает ядерным арсеналом, сравнимым или несколько меньшим, чем у Франции. Но обращают на себя внимание программы строительства инфраструктуры и типы вооружений, которые разрабатываются: прошло испытание жидкостной межконтинентальной баллистической ракеты с разделяющейся головной частью с 10-ю боевыми блоками (развернут вариант с 4-мя боевыми блоками); параллельно развиваются два семейства твердотопливных межконтинентальных баллистических ракет, несколько типов ракет средней дальности. Продолжается развитие морского компонента стратегических ядерных сил, и идет работа над стратегическим ядерным бомбардировщиком. Находящиеся в очень высокой стадии готовности или доведенные до серийного производства проекты НИОКР позволяют считать, *что речь идет уже не об уровне Франции – это практически все направления, которые есть у США, и даже, скорее, у России.*

Большое количество китайских технологических мегаинициатив говорит о *вхождении США и КНР в технологическое противостояние.* В ответ на третью стратегию компенсации Обамы, которая носила выраженный антикитайский характер, китайцы выдвинули инициативу 2017 г. по развитию искусственного интеллекта, которая призвана вывести Китай в

лидеры по данному направлению к 2030 г. Есть явные заявки на лидерство в суперкомпьютерных технологиях, большие успехи в гиперзвуке, принят на вооружение собственный истребитель пятого поколения. Китай делает ставку на возвращение национальных чемпионов из числа гигантских госкомпаний и концентрацию колоссальных ресурсов на ограниченном числе прорывных направлений под непосредственным контролем высшего политического руководства.

Китай намерен планомерно строить вооруженные силы, которые обеспечат ему господство в Восточной Азии и позволят ограничить военные возможности США в Восточной Азии. Поставлена задача к 2050 г. добиться военного паритета с США в глобальном масштабе. При этом, как считает ряд экспертов, Китай сможет вытеснить США из приоритетных для себя зон влияния, таких как Восточная Азия, не вступая в прямой конфликт, просто за счет комбинации постоянного роста своей военной мощи и экономического влияния. Проблемой для США по-прежнему является «размазанность» по миру всех военных сил и ресурсов при концентрации этих ресурсов у Китая в одном регионе.

На сегодня можно говорить о наличии двух «конфликтогенных узлов» в военно-политических отношениях Китая и США – Тайване и Южно-Китайском море.

Контекст, в котором развиваются американский и китайский подходы к проблеме Южно-Китайского моря (ЮКМ), характеризуется исчерпанием возможностей глобальных и региональных многосторонних институтов, с точки зрения влияния на эволюцию проблемы, и кризисом идей – отсутствием предложений по новым подходам. Практические действия Китая и США свидетельствуют, что возможности США снижаются, а Китай, избегая прямого столкновения с Вашингтоном, но действуя тактикой «мелкого фола», расширяет свои возможности, выстраивая военную инфраструктуру на Парасельских островах и островах Спратли, предназначенную не столько для военных целей, сколько для мониторинга ситуации в ЮКМ и обеспечения демонстрационного эффекта. Китай стремится подтолкнуть АСЕАН к легитимации де-факто существующего положения вещей, расширяя стимулы стран АСЕАН к сотрудничеству и давая понять, что готов «закрыть глаза» на их «вольности» по другим вопросам.

Вашингтон рассматривает проблему Южно-Китайского моря сквозь призму формирования Индо-Тихоокеанского региона и видит основной инструмент в Четырехстороннем сотрудничестве (*Quadrilateral Defense Cooperation*) – Япония, Австралия и Индия должны подключиться к мероприятиям США по обеспечению свободы судоходства в ЮКМ. Однако у партнеров Вашингтона, не желающих осложнять отношения с Китаем, это не встречает большого энтузиазма. Между Китаем и США существует принципиальное различие в трактовке «свободы судоходства». Китай ставит вопрос о том, что существует только одна интерпретация свободы судоходства – это торговое судоходство в рамках будущего проекта «Морской Шелковый путь XXI века». Для США – это военное судоходство, т.е. право беспрепятственного захода кораблей США и их союзников в любую точку ЮКМ. По мнению экспертов, положения Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, разрабатываемого Китаем и АСЕАН вместо Декларации 2002 г., будут, скорее всего, отвечать интересам Китая больше, чем интересам АСЕАН.

Пока не заметно каких-то кардинальных изменений в реальной политике США в отношении Тайваня – все громкие заявления делались либо во время предвыборной кампании, либо после выборов, но до инаугурации Д.Трампа. Уже во время разговора с Си Цзиньпином Трамп не только признал политику одного Китая, но и сказал, что будет согласовывать с Пекином последующие действия на тайваньском направлении. По мнению российских экспертов, *роль Тайваньской проблемы*, которая еще 20 лет назад была едва ли не ключевой в американо-китайских отношениях, *на сегодня сведена к минимуму. Такая ситуация сохранится и на ближайшую перспективу.*

Раздел 2. Позиции внешних акторов в контексте партнерства-противостояния США и Китая

2.1. Индия

США последовательно выстраивают Индо-Тихоокеанскую стратегию, рассчитанную на долгосрочную перспективу, чтобы сбалансировать влияние Китая в регионе. Китай, в свою очередь, однозначно негативно воспринимает реанимацию США доктрины Индо-Тихоокеанского пространства, традиционно расценивая это как стремление Вашингтона создать вокруг Китая «цепь демократий» для сдерживания распространения влияния КНР.

Индия – страна с устоявшейся развитой демократией, экономика страны развивается высокими темпами, и в предстоящие 2-3 десятилетия предполагается ее рост на уровне 6-7% в год. Уже в 2017 г. индийская экономика была третьей в мире по ППС и седьмой по среднегодовому курсу национальной валюты к доллару. Индия была и остается политическим тяжеловесом, проводящим независимую политику, и в случае любой реформы Совета Безопасности ООН она станет одним из новых постоянных его членов. США воспринимают Индию как ценного партнера и союзника в создании системы безопасности в Южной и Юго-Восточной Азии. При активном содействии США, Японии и Австралии в индийской политической элите укрепляется линия на стратегические партнерские отношения, вплоть до военных союзнических с США. Китай при этом остается важнейшим торгово-экономическим партнером Индии, однако трения в политической и военно-политической сфере с КНР нарастают, и в этом плане очень важную роль играет фактор Пакистана.

В то же время нельзя не отметить, что на сегодня Индия не является полновесным субъектом в геополитическом треугольнике США-Индия-КНР, что обусловлено разноплановыми причинами и факторами. Так, негативную роль играет поляризованное в социально-экономическом плане общество, как следствие – недостаточный рост среднего класса, в то время как низшие слои населения не оказывают поддержки внутренней и внешней

политике. Недостаточно эффективной оказалась программа Make in India, начатая при правительстве М. Сингха. Индийские инициативы, связанные с международным транспортным коридором «Север – Юг», которые открывают Индии доступ в Западную Европу и в Центральную Азию, с 2001-2002 г. находятся в замороженном состоянии. Внутренние слабости, присущие индийской экономике, сейчас начинают проявляться во внешней политике – практически не развиваются отношения с Ираном; Непал, Шри-Ланка и Мальдивы проводят все более самостоятельную политику и в большей степени сориентированы на сотрудничество с Китаем. Индия весьма рассчитывала на США во время гималайского противостояния, но ожидания не оправдались.

Кроме того, эксперты отмечают изменения в подходах к формированию политики, в том числе внешней – нередко этот процесс рассматривается как совокупность сделок, которые заключаются, как правило, на основе краткосрочных выгод. Стратегическое планирование нередко подменяется тактическими решениями, а международное позиционирование страны становится менее четким, меньше проявляется самостоятельная роль Индии на глобальном уровне. Эксперты предполагают, что в ближайшей перспективе целью Индии будет обеспечение сопряжения китайских и индийских интересов. На сегодняшний день назрела необходимость не просто реагирования, а встраивания в китайские проекты «Пояса и Пути». Сегодня Дели вынужден принять как данность наличие китайско-пакистанского экономического коридора. В экономическом коридоре Индия – Китай – Мьянма – Бангладеш страна задействована лишь незначительно, а проект «Морского шелкового пути 21 века» потенциально может нанести ущерб безопасности Индии, если она останется за его пределами.

Ведущие индийские эксперты, в частности вице-президент исследовательского фонда Observer С. Саран, объясняют изменения во внешней политике Индии тем, что Индия вынуждена лавировать между двумя регионами – Индо-Тихоокеанским и Евразией. «Россия представляет собой архетипический образ евразийской державы; внешняя политика государства обусловлена постоянно меняющимися процессами в странах Азии и Европы и уравнивается политикой НАТО. Как и в Индо-Тихоокеанском регионе, в Евразии также возникают новые форматы сотрудничества в связи с реализацией китайской инициативы «Один

пояс — один путь». Учитывая такое положение дел, у Индии появляется заинтересованность в сотрудничестве с этим регионом, а взаимодействие с Москвой приобретает дополнительную значимость... Вся сложность внешней политики Индии заключается в лавировании между этими двумя регионами. Дели поддерживает партнерские отношения с Вашингтоном в Индо-Тихоокеанском регионе, но сотрудничество Индии и США в Евразии труднореализуемо из-за ключевых различий в оценке безопасности в регионе, особенно в контексте сотрудничества Индии с Ираном и Москвой. С другой стороны, взаимодействие Индии со странами Евразийского региона осложняется партнерством Москвы и Пекина по проектам развития систем связи и зарождающимся партнерством государств в Индо-Тихоокеанском регионе».⁴⁰

Как полагают российские эксперты, крупным игроком в Индо-Тихоокеанской стратегии Индия может стать, в оптимистичном варианте, лишь на горизонте 5-10 лет.

2.2 Япония

В Японии за процессом развития американо-китайских отношений наблюдают с вниманием, настороженностью и опасениями. Это связано не столько с конкретной ситуацией в этих отношениях на сегодняшний день, сколько с их общим направлением и динамикой эволюции.

Главное, что беспокоит Японию – это то, что Китай постепенно становится для США пусть и проблемным, но более важным партнером, чем Япония. За этим, безусловно, стоят объективные процессы: экономическое возвышение Китая; его возрастающая вовлеченность в экономическую и финансовую глобализацию; усиление политических позиций, имеющее своим следствием, помимо прочего, более уверенную (самоуверенную) линию в отношении стран-соседей. Однако проблема в том, что темпы этих процессов оказались выше, чем ожидали в Японии, и это вызывает у политического класса шоковые ощущения. Соответственно, сильным шоком для него стало и то, что в рамках

---

⁴⁰ «Эксперт» №37 (1088) 10.09.2018
<http://expert.ru/expert/2018/37/geopoliticheskij-drej-f-indii/>

общей политики США в отношении АТР их внимание и усилия все более отчетливо концентрируются на Китае.

Второй повод для беспокойства – это растущее осознание того, что статус союзника США, признаваемый за Японией, отнюдь не гарантирует большего учета ее интересов и требований, чем статус партнера-конкурента и даже потенциального противника, в качестве которого Китай воспринимается в США. Те проблемы, которые Япония поднимает в двусторонних контактах с США (в частности, релокация американских баз на Окинаве; конкретные аспекты торгово-инвестиционного режима, обсуждавшиеся в рамках подготовки соглашения о Транстихоокеанском партнерстве), решаются США долго, мучительно и не всегда положительно. В то же время Китай гораздо более успешно «продавливает» свою позицию по спорным вопросам отношений с Соединенными Штатами, заставляя последних с нею мириться.

Третий вопрос, связанный с американо-китайскими отношениями и вызывающий беспокойство в Японии, это вопрос об американских гарантиях в рамках японо-американского «договора о безопасности». В Японии все менее уверены в том, что могут рассчитывать на быструю и, главное, действенную помощь со стороны США в случае конфликтного развития отношений Японии с КНР. Нарастание скептического отношения к американским гарантиям обосновывается следующими линиями аргументации.

Во-первых, *позиции США и Японии в отношении КНР сильно асимметричны*. США воспринимают Китай в качестве конкурента и потенциального противника в долгосрочном (стратегическом) плане, но не считают его источником непосредственной угрозы и страной, с которой в близком будущем возможен вооруженный конфликт. Более того, на краткосрочном горизонте строятся расчеты использовать Китай в качестве партнера для решения локальных американских задач («нейтрализации» Северной Кореи и др.). Тем временем в Японии КНР все больше рассматривается в качестве главной, во многом экзистенциальной угрозы безопасности страны (вне зависимости от степени обоснованности такого восприятия).

Во-вторых, в Японии сильно убеждение в том, что для США интересы других стран, в том числе стран-союзниц, имеют второстепенное значение, особенно в ситуации локального международного конфликта. Соответственно, гарантии «защиты от агрессии» и территориальной целостности, раздаваемые США,

ничего не будут стоять, если последние сочтут для себя нецелесообразным оказаться втянутым в тот или иной конфликт.

Исходя из сказанного выше, можно со значительной степенью обоснованности предположить, что в связи с изменениями в американо-китайских отношениях Япония будет предпринимать следующие действия:

- Seriously относиться ко всем формам межправительственного диалога с США – встречам на высшем уровне, на уровне глав ключевых ведомств, консультациям в формате «2+2», в рамках советов, комиссий и рабочих групп. Нынешний премьер привнес в эту задачу дополнительный штрих – установление (предположительно, в идеале) доверительных личных отношений с американскими президентами. Подобный диалог рассматривается в Японии, в том числе, как инструмент активной пропаганды собственного видения Китая и отношений с ним.

- Стремиться к включению во все совместные японо-американские документы формулировок, которые в Японии считают объективно направленными против Китая. А именно: важность «общих ценностей», лежащих в основе японо-американского союза; важность соблюдения «принципа верховенства права» в международных отношениях в регионе; недопустимость односторонних действий, нарушающих статус-кво в Восточной и Юго-Восточной Азии. Хотя при этом, как правило, отсутствует конкретное упоминание КНР, именно эта страна считается в Японии главным носителем нелиберальных ценностей, нарушителем норм международного права и «ревизионистской» державой, стремящейся силой нарушить сложившийся в регионе статус-кво.

- Еще и еще раз побуждать США к заявлениям о том, что они считают сферу действия «договора безопасности» с Японией распространяющейся на о-ва Сэнкаку, право Японии на обладание которыми активно оспаривается КНР. Несмотря на сомнения в действенности таких заверений, японское правительство считает их принципиально важной позицией.

- Стараться вовлечь США в различные многосторонние форматы обсуждения торгово-экономических режимов. Прежде всего, это вопрос о реанимации ТТП в прежнем объеме и в прежнем режиме. Хотя это формально не является частью отношений с Китаем, в Японии уверены, что Китай не поступится своим

суверенитетом и в ближайшее время не будет участвовать ни в каких группировках или форматах, которые подразумевают ограничения его права использовать те или иные инструменты торгово-экономической политики по своему собственному усмотрению.

Вместе с тем, параллельно с развитием темы отношений с Китаем в рамках японо-американского диалога *Япония будет стремиться к максимально возможной нормализации отношений с китайским руководством*. Именно это, как полагает правительство Японии, позволит сделать отношения с КНР более предсказуемыми и предотвратить неспровоцированные (с японской точки зрения) попытки Китая в одностороннем порядке утвердить свой контроль над спорными островами или ущемить права японского бизнеса в КНР и в регионе в целом. Несмотря на то, что уровень доверия между японской элитой и китайским руководством крайне низок и будет оставаться таким в обозримом будущем, налаживание рабочих контактов с Китаем представляется японским политикам единственным способом предотвратить нарастание конфликтности всего комплекса международных отношений в Северо-Восточной Азии.

Также в Японии считают, что развитие отношений и с США, и с Китаем, позволит им не допустить игнорирования интересов Японии при развитии американо-китайских отношений. Это также единственная гарантия того, что против Японии не будет применена тактика «свершившихся фактов», которую часто использует Китай в отношении своих стран-соседей.

2.3. Южная Корея

Современный этап американо-китайских отношений оказывает неоднозначное влияние на Республику Корея (РК). Причем новые вызовы носят для нее не конъюнктурный, а стратегический характер. В связи с этим для Сеула очевидна необходимость адаптироваться к меняющейся ситуации и выработать новую международную стратегию. Проблема, однако, усугубляется тем, что американо-китайские отношения не приобрели устойчивого характера и находятся в стадии приведения

внешней политики двух стран в соответствие с новыми национальными, региональными и глобальными реалиями.

Низкий уровень внешнеполитического доверия между КНР и США превращает Южную Корею в объект военно-политических диспутов великих держав, в зоне риска оказывается и экономика РК. В ситуации на Корейском полуострове и вокруг него Сеулу приходится учитывать позицию США, которые настаивают на жестком курсе в отношении Северной Кореи, предусматривающем, в том числе, размещение системы ПРО THAAD на Юге Кореи. Но нельзя и игнорировать позицию КНР, недовольство которой размещением американских ПРО и авианосных групп привело к усилению как политического, так и экономического давления (вплоть до введения, пусть и временных, экономических санкций) на Южную Корею.

В то же время следует отметить, что на сегодняшний день Пекин уже не воспринимает Сеул в качестве однозначного противника. США видят в РК союзника, но вынуждены признать пределы своего влияния. В контексте эволюции американо-китайских отношений Южная Корея выстраивает линию поведения, которую можно было бы назвать *«лояльной самостоятельностью»*. С одной стороны, Южная Корея остается союзником США, но в то же время, она не поддалась на их уговоры заключить трехсторонний оборонительный союз между США, Южной Кореей и Японией. Тем самым был сделан жест доброй воли в сторону Китая. С другой стороны, Пекин учитывает новую роль и возможности Южной Кореи и стремится «навести мосты» с Сеулом, превратив его в эффективного партнера. Возникают идеи проведения четырехсторонних переговоров по корейскому урегулированию с участием двух корейских государств, США и Китая.

2.4. Иран

Политика Вашингтона в отношении Исламской Республики Иран отражается на различных областях американо-китайских отношений. Прежде всего, это *санкционный режим США против Ирана. Охватывая как минимум три сферы, он уже ограничивает, а потенциально может еще сильнее ограничить действия Китая, повышая тем самым уровень конфронтации.*

Первая сфера – *нераспространение оружия массового уничтожения*. Выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) и новое ужесточения санкций против Ирана создает высокую вероятность эскалации конфликтности и нарушения режима нераспространения (ОМУ) как минимум в трех принципиально важных для КНР районах: в самом Иране, в Пакистане и на Корейском полуострове. Непоследовательное соблюдение Вашингтоном СВПД укрепит в Тегеране, Исламабаде и Пхеньяне убежденность, что именно наличие, а не отсутствие ядерного оружия является гарантом суверенитета этих стран. Это увеличивает вероятность гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прямых боестолкновений и соответствующей негативной реакции азиатских фондовых рынков.

Вторая сфера – *международный терроризм*. В США Ирану официально присвоен статус государства-спонсора терроризма, что автоматически вводит ряд существенных ограничений. Ирану запрещено напрямую поставлять зарубежную помощь, кроме помощи гуманитарного характера, а в международных организациях США обязаны голосовать против её предоставления. Помимо этого, Соединенные Штаты воздерживаются от выделения международной помощи странам и организациям, оказывающим поддержку государствам-спонсорам терроризма. Запрещаются прямые и опосредованные поставки из США вооружений, а также запрещается лицензирование поставок технологий двойного назначения. Согласно Минфину США, отдельно введены ограничения против основных субъектов, «вовлеченных в финансирование терроризма» – Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР), Центрального банка страны.

Широкий комплекс санкционных мер может рассматриваться как потенциальный инструмент воздействия на союзный Китаю Пакистан в контексте обвинений Межведомственной разведки страны в связях с террористическими организациями, находящимися на федерально-управляемых племенных территориях и оказывающих значительное дестабилизирующее воздействие в регионе «АфПак».

Третья сфера – *воздействие на внутривнутриполитические процессы*. Широкий инструментарий санкционной политики США и политики «продвижения демократии», используемый для давления на правительство ИРИ, может быть задействован и как средство

воздействия на политику Китая, особенно с учетом проблем, с которыми КНР сталкивается в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Тибете и Гонконге. В Иране США используют на этом направлении комплекс как стимулирующих, так и ограничительных мер. К первым относятся опосредованная поддержка через сеть неправительственных институтов внутриполитической оппозиции, поощрение развития телекоммуникационной инфраструктуры для свободного распространения информации. Вместе с этим США через Совет управляющих по вопросам вещания продвигают необходимую информацию в иранском обществе посредством радио, телевидения, интернета и других средств коммуникации. Ко вторым относятся ввод санкций против лиц, регулирующих цензуру в стране, поставляющих правительству технологии, способствующие ограничению доступа к информации, нарушающих права граждан и демократические процедуры.

Применение или угроза применения санкций имеет потенциал воздействия не только на ход конфликтов в Южной Азии (например, стимулируя более активное вовлечение Китая в их урегулирование), но и на реализацию китайского проекта «Один пояс - один путь».

2.5. Европейский Союз

Для Евросоюза США и Китай являются ведущими торговыми партнерами (в 2016 г. доля США в товарообороте ЕС составляла 17,8%, Китая – 14,9%), причем в части импорта в ЕС Китай заметно опережает США, а прочие торговые партнеры следуют со значительным отрывом. Для США Евросоюз – ведущий торговый партнер (18,9% в товарообороте в 2016 г.), на несколько процентных пунктов опережающий показатели Китая, Канады и Мексики. Для Китая ЕС также является ведущим торговым партнером (14,8% в товарообороте в 2016 г.), а за ним с минимальным отрывом следуют США. Парадоксальным образом *исключительное значение торгово-экономических отношений не обеспечивает ЕС заметных возможностей влиять как на динамику американо-китайских отношений, так и на каждую из сторон.*

Для ЕС характерна роль нормативного центра, устанавливающего высокие стандарты в разных областях политики

и экономики, которые другие страны могут перенять. Ни США, ни Китай не заинтересованы в таком характере отношений. Обе державы успешно выходят на европейские рынки и работают со странами-членами ЕС, но рассматривают их, в первую очередь, в национальном качестве, а не как единое целое.

В этом смысле особенно показательное использование Китаем формата «16+1» (Китай + Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения), в котором объединены как члены, так и не-члены ЕС из Центральной и Восточной Европы. В рамках формата с 2012 года проводятся ежегодные саммиты, действуют секретариат и координаторы от каждого из участников. Со стороны Соединенных Штатов в экономических, политических и военных вопросах можно заметить схожие тенденции: приоритеты в отношениях с европейскими странами зависят не от их участия/неучастия в ЕС, а от иных факторов, часто – от готовности к тесному двустороннему взаимодействию с США в военной области. ЕС пока не способен переломить эту тенденцию, и в обозримом будущем сделать это будет непросто. Заявленная общая внешняя политика, «единый голос» ЕС, остается скорее рамочной, устанавливающей красные линии по ограниченному кругу тем, но сохраняющей широкую свободу маневра за отдельными странами.

*Аналитики мозговых центров ЕС проявляют большой интерес к происходящему в США, в Китае и между этими державами. Но по основным позициям это скорее мониторинг, чем попытка управлять рисками.*⁴¹ Торгово-экономическое значение США и Китая в определенном смысле ограничивает свободу маневра – какие-то резкие политические инициативы со стороны ЕС, даже если бы их удалось согласовать между странами, были бы с большой настороженностью восприняты деловым сообществом, извлекающим выгоду из взаимодействия с ведущими мировыми центрами.

С избранием президентом США Д.Трампа надежды на заключение рубежного трансатлантического торгового соглашения

---

⁴¹ THIRD POWERS IN EUROPE'S EAST. Edited by Nicu Popescu and Stanislav Secieru. CHAILLOT PAPERS March 2018. <https://www.iss.europa.eu/content/third-powers-europes-east>

(Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство – ТТИП) поблекли. По мнению ряда аналитиков, умеренно протекционистские тенденции в США могут пережить президентство Трампа и стать долгосрочной тенденцией, возможно не ухудшающей существующих условий торговли, но препятствующей переходу на качественно новый уровень свобод в этой области. Китай, в свою очередь, представший поборником свободной торговли, вызывает протекционистские настроения уже в самом ЕС. Собственно, и переговоры по ТТИП сопровождались заметной протекционистской риторикой некоторых политических сил в ЕС в отношении США. Таким образом, вполне вероятно, что характер экономических отношений США-ЕС-Китай не претерпит существенных изменений в ближайшее десятилетие – тренд на сближение будет блокироваться протекционистскими настроениями, но и ухудшению бизнес-климата будут противодействовать влиятельные группы интересов.

Китайская идея «Пояса и Пути», по крайней мере, в ряде ее измерений, предполагает расширение инфраструктурных возможностей для выхода на европейские рынки. На долгосрочном горизонте реализация этих идей может принести обеим сторонам экономические преимущества, но, как и сегодня, вряд ли приведет к политическому сближению.

Внутриполитическое развитие США и Китая рассматривается существенной частью политического мейнстрима ЕС критически. Но если в случае с США катализатором критического отношения именно в последние годы выступает президентство Д. Трампа, то критика в отношении Китая скорее пошла на спад. Устойчивость своеобразной китайской политической системы может вызывать в Европе вопросы, но на фоне «непредсказуемого» американского президента китайское политическое руководство воспринимается как солидный уважаемый высококвалифицированный партнер. В то же время, ЕС сохраняет установленное в 1989 г. эмбарго на поставки вооружений в Китай. С учетом того, что такой подход не сдерживает военного развития Китая, можно предполагать, что в отсутствие военных инцидентов с участием КНР, лоббисты ВПК стран Евросоюза смогут добиться того, чтобы и это ограничение было упразднено.

Логика глобального развития с рациональной точки зрения подталкивает ЕС к тому, чтобы четче определить и отстаивать

свои интересы, в том числе в контексте отношений США-Китай. Но сделать это будет непросто, особенно если, с точки зрения политического мейнстрима, сохранение существующего положения будет представляться не слишком опасным. Иными словами, если США и Китай удержатся от острой конфронтации, ЕС удовлетворится сохранением равных отношений с обеими державами, но, в том числе под воздействием политики последних, может постепенно стать более рыхлым объединением. Если же возобладает конфронтационный сценарий, понимание опасности и объективного бессилия отдельных европейских стран повлечь на глобальные балансы, потенциально могло бы способствовать сплочению ЕС, подтолкнуть его к выполнению посреднической роли, направленной на снижение напряжения.

Раздел 3. Зоны риска для России в условиях борьбы двух концепций мирового лидерства

3.1. Постсоветское пространство

Соперничество КНР-США на глобальном и региональном уровнях с высокой вероятностью в обозримой перспективе будет определять эволюцию миропорядка. Что ставит перед Россией сложную задачу гибкого и эффективного реагирования. В этих условиях в *наибольшей степени рискам соперничества КНР – США подвержена стратегия России по укреплению ее позиций как организатора постсоветского пространства, прежде всего в регионе Центральной Азии.*

Конкуренция между США и КНР напрямую отражается на возможностях внешнеполитического маневра центральноазиатских стран. Китай, как и Россия, выступает против увеличения военного присутствия США в регионе. Одновременно в экономической сфере глобальная конкуренция между игроками позволяет странам региона Центральной Азии повышать интерес к себе, вовлекать крупных игроков в собственное экономическое и социальное развитие. Это помогает реализовывать странам концепцию многовекторной политики и привлекать инвестиции в собственные инфраструктурные проекты.

США при Администрации Трампа перезапустили в Центральной Азии формат консультаций C5+1, появившийся еще в 2015 году. В январе 2018 г. состоялась очередная встреча в этом формате на уровне глав внешнеполитических ведомств. Для государств Центральной Азии внимание со стороны США является ресурсом, позволяющим им диверсифицировать свои внешнеполитические связи. По инициативе США идет обсуждение различных инфраструктурных проектов в регионе. Тем самым, Вашингтон продолжает начатую США после распада СССР внешнюю политику на постсоветском пространстве в соответствии с концепцией геополитического плюрализма. Эта концепция подразумевает, что ни одна держава не должна получать ни в одном регионе мира исключительного влияния, что может

навредить интересам США и их союзников. Приоритетом для США является предотвращение доминирующей геополитической и геоэкономической ориентации региона на КНР или РФ. При этом Китай и Россия посредством ШОС содействовали снижению военного присутствия США в регионе.

В то же время американскими⁴² и российскими⁴³ экспертами отмечается, что сокращение Администрацией Трампа – в рамках «избирательного подхода» - бюджетов иностранной помощи центральноазиатским государствам будет иметь в итоге усиление позиций Китая в регионе - «американский ланч в ЦА съест Китай»

США с 2000-х гг. усиленно продвигали два основных экономических проекта, связанных с транспортировкой газа и электроэнергии: проект CASA-1000, призванный создать инфраструктуру для экспорта электроэнергии из Центральной Азии (Кыргызстана и Таджикистана) через Афганистан в Пакистан, и проект TAPI - трубопровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан и Индию. Проект CASA, общей стоимостью около 2 млрд. долл., вышел в финальную стадию: ответственные министерства участвующих стран подписали соглашение о реализации проекта. Финансируют и оказывают техническую помощь в основном три международных организации-донора – Всемирный банк, Исламский банк развития и Европейский банк реконструкции и развития. Афганская государственная корпорация в сфере электроэнергетики уже распределила тендеры на строительство соответствующих транзитных мощностей. Готовят свои генерирующие и транзитные мощности и другие страны. Профильные министры, представляющие страны-участницы, говорят о 2018 году как о периоде финальной реализации проекта CASA-1000.

С проектом в сфере транспортировки газа все гораздо сложнее. Стоимость проекта TAPI уже перевалила за сумму в 10

---

⁴² Trump to Cut Foreign Aid Budgets, Opening South and Central Asia's Door to Chinese Influence. / Forbes. 4.05.2017. <https://www.forbes.com/sites/alyssaayres/2017/05/04/trump-to-cut-foreign-aid-budgets-opening-south-and-central-asias-door-to-chinese-influence/#4ef098f55f50>

⁴³ Воробьев А. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России / РСМД. 4.07.2017. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/>

млрд. долл. Его пропускная способность запланирована на уровне чуть больше 30 млрд. куб. м. газа. Основным инвестором и донором технической помощи выступают Азиатский банк развития и Исламский банк развития. Ключевым препятствием для реализации проекта является позиция Пакистана. На данный момент Исламабад активно подключается к китайским проектам и в газовой сфере заинтересован в первую очередь в проекте трубопровода «Мир» для транспортировки газа из Ирана в Китай. Однако проект ирано-пакистано-китайского транспортного коридора пока также буксует. Тем не менее, без Пакистана реализацию проекта TAPI невозможно себе представить даже при большом интересе Индии. Кроме позиции Пакистана, традиционной проблемой для строительства трубопровода являются также вызовы безопасности, которые только обостряются с выводом войск НАТО из Афганистана и активизацией Талибана.

Если проект TAPI не будет реализован, то нельзя исключать, что США вернутся к идее строительства Транскаспийского трубопровода, который в 2000-е гг. планировался как ключевой элемент проекта по транспортировке газа из Центральной Азии в Европу (Nabucco). Подписанная летом 2018 г. конвенция о статусе Каспия откроет путь проекту Транскаспийского трубопровода, в котором очень заинтересован Евросоюз. Совет ЕС уже поручил Еврокомиссии разработку до конца 2019 года новой версии стратегии Евросоюза по Центральной Азии, где в качестве ключевого пункта уже обозначено продолжение строительства Южного газового коридора. В Азербайджане уже реализован небольшой проект по транспортировке газа в Европу TANAP, и Баку заинтересован в дальнейшей реализации своего транзитного потенциала и наполнении существующих транспортных мощностей.

Пока в проекте транспортировки газа из Центральной Азии в Европу или в Южную Азию очень много «если». Но на фоне того, что проект CASA-1000 выходит на финишную прямую и государства региона также нацелены на развитие транзитных маршрутов по транспортировке газа, можно предположить, что на горизонте 2020-2022 гг. хотя бы один из двух проектов будет реализован. Следовательно, Соединенным Штатам в координации с Евросоюзом, Японией, странами Персидского залива возможно удастся предотвратить полное геоэкономическое замыкание государств Центральной Азии на Китае и России.

Одновременно эксперты не исключают, как один из сценариев развития региона, попадание центральноазиатских государств под доминирующее экономическое и, отчасти, политическое влияние Китая. В Казахстане позитивно воспринимается идея сопряжения национальной программы «Светлый путь» с китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути». Что, в свою очередь, обусловлено собственными региональными амбициями Астаны и надеждами Казахстана на превращение в будущем в крупнейший в Центральной Азии деловой и транзитный центр. Объемы инвестиций России и Китая в Казахстан несопоставимы: если Россия вложила 5 млрд. долл., то Китай – 27,5 млрд.долл. только в рамках Казахского проекта «Нурлы Жол» - «Светлый путь» (железные и автомобильные дороги, обустройство порта Актау). Но в целом по формальным показателям - торговля, инвестиции, доля КНР в суверенном долге, Казахстан с точки зрения зависимости от Китая находится скорее в «желтой», а не «красной» зоне. Пока по интенсивности экономических связей (Казахстан, в частности, – крупнейший потребитель российских технологий в рамках операционных цепочек, высокотехнологичных услуг), Россия по совокупности сопоставима с Китаем. Эти связи еще позволяют говорить, что интеграция на евразийском направлении для Казахстана имеет не меньшее значение, чем на китайском.

В существенной зависимости от Китая находится и Кыргызстан. До недавнего спецификой импорта в КР было наличие серых торговых схем на границе Кыргызстана и Китая. Но с присоединением к ЕАЭС этот «поток» существенно обмелел.

Членство в ЕАЭС не привело к прекращению участия страны в таких организациях и объединениях как: Central Asia Research and Education network (CAREN) – часть Виртуального шелкового пути НАТО; CASAREM - Региональный электроэнергетический рынок Центральной Азии и Южной Азии, строительство которого противоречит созданию единого энергетического рынка ЕАЭС; CAREC (Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество) – растущая сеть шести мультимодальных транспортных коридоров протяженностью более 80 000 километров; C5+1 (U.S. - Central Asia Joint Project) – объединение пяти центральноазиатских государств и США для диалога и

сотрудничества по вопросам глобальной повестки мировой политики.

Узбекистан, заметно активизировавшийся на различных внешнеполитических направлениях, не станет нарушать принцип неприсоединения к блокам, что не исключает его участия в том или ином формате в различных проектах на постсоветском пространстве - «Один пояс - один путь», ЕАЭС, американский C5+1. Узбекистан останется реципиентом американской военной и технической помощи, а приоритетом его отношений с Германией и некоторыми другими странами ЕС останется сфера экономики. Значительная зависимость Таджикистана от России объясняется ситуацией в сфере безопасности. Тем временем около 70 % экспорта Туркменистана (углеводороды) идет в Китай.

Несмотря на растущее экономическое влияние в регионе Центральной Азии, фактором, противодействующим усилению позиций Пекина, являются опасения оказаться в зависимости от Китая, весьма сильные в обществе и элитах стран ЦА. Их целью по-прежнему остается многовекторная и максимально независимая внешняя политика. И в этом плане соперничество США и Китая вполне соответствует интересам центральноазиатских государств как дополнительный инструмент их внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии.

При рациональном подходе для коррекции и укрепления российской стратегии в регионе и за его пределами могут быть использованы все три указанные группы факторов:

- «избирательный подход» (сокращение бюджета на программы помощи) нынешней американской администрации вкупе с традиционными опасениями центральноазиатских элит попыток демократизации их режимов со стороны США;

- растущие опасения оказаться под доминирующим влиянием Китая;

- устойчивое стремление стран ЦА проводить независимую многовекторную внешнюю политику.

Однако в первую очередь необходима *оптимизация деятельности Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС)*.

Сегодня ход интеграционных процессов в ЕАЭС можно охарактеризовать как инерционный. К тому же накапливается некоторое разочарование среди стран-участниц, вызванное неоправдавшимися ожиданиями быстрых и ощутимо позитивных

результатов интеграции, а также дополнительными трудностями из-за санкционного противостояния России и Запада.

Для интеграции в рамках ЕАЭС, по сравнению с другими существующими в мире моделями, характерны: крайне амбициозные планы, основанные на политических представлениях и политически-мотивированном видении будущего объединения; излишне жесткая структура, которая в ближайшем будущем может нести в себе заметные риски в отношениях даже с ближайшими партнерами; «второстепенность» экономических целей интеграции и, соответственно, отсутствие позитивной экономической повестки и позитивных результатов для экономических агентов.⁴⁴

В условиях реформирования миропорядка, но прежде всего, усиления соперничества Китая и США целесообразно *новое осмысление стратегии и тактики развития ЕАЭС*. Наряду с поиском путей углубления и активизации внутреннего контура интеграции в рамках нового формата одной из приоритетных задач становится формирование постепенно *расширяющегося внешнего контура*.

Коррекция внутреннего контура, по мнению экспертов, требует перехода от интеграции *де юре*, когда в ускоренном режиме создавали институты, к интеграции *де факто*, значимыми шагами в рамках которой могли бы стать введение особого режима обращения кооперационных товаров и экспорта в страны ЕАЭС, поддержка продукции с высоким содержанием добавленной стоимости, полученной в странах ЕАЭС и т.д. Иными словами интеграцию в рамках ЕАЭС нужно сделать понятной, продемонстрировать ее выгодность бизнесу и населению. В этом смысле важно *активное расширение интеграции на гуманитарное, образовательное, исследовательское пространства, на спорт и туризм*. Возможно и перераспределение части ресурсов российских программ содействия развитию на создание гуманитарного проекта, под эгидой которого будет реализовываться программа обменов студентами, преподавателями, учеными.

Интересы дальнейшего развития Евразийского интеграционного проекта и современные геополитические реалии

---

⁴⁴ В данном разделе доклада использованы материалы ситуационных анализов ИМЭМО "Современные позиции и перспективы России на глобальном рынке", а также «Большое Евразийское пространство: цели, возможности, барьеры»

диктуют необходимость формирования сильной *Евразийской политики соседства*, обеспечивающей интересы и расширение влияния Союза в сопредельных странах, а также позволяющей последним получать преимущества от сотрудничества с ЕАЭС. Пока же ЕАЭС как торгово-экономический блок взаимодействует только с отдельными партнерами в дальнем зарубежье, а в зоне свободной торговли СНГ страны ЕАЭС представлены как самостоятельные участники.

В то же время такие геоэкономические конкуренты как ЕС и Китай ведут исключительно активную политику в отношении соседних стран, при этом широко заходят на постсоветское пространство и не только в сопредельные государства.

Несмотря на серьезные внутренние проблемы, ЕС последовательно осуществляет Европейскую политику соседства, в том числе интенсифицирует работу со странами Восточного партнерства (Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина и две страны ЕАЭС – Армения и Беларусь) по линии соглашений об ассоциации и всеобъемлющем партнерстве, через новые совместные проекты (например, проект «Цифровое сообщество»), через финансовую и техническую помощь в проведении реформ и др. Реализуется стратегия нового партнерства Евросоюза и для государств Центральной Азии.

Китай с 2013 г. провозгласил приоритет так называемой сопредельной дипломатии в отношении соседних стран, увеличил потоки ресурсов в их направлении, в том числе с использованием инструментария инициативы Пояс и Путь. Наряду со странами ЦА КНР выстраивает преференциальные отношения с Грузией и Молдовой.

Европейская модель политики соседства, предполагающая «интеграционное ядро» и «интеграционную периферию», находящуюся в той или иной форме ассоциации с «интеграционным ядром», ЕАЭС не подходит, поскольку отсутствует мощный и привлекательный центр притяжения, а сама периферия привержена уже сложившейся многовекторности. Китайский опыт тесного сближения с сопредельными странами, основанный на массивной финансово-экономической экспансии, также не может быть использован из-за жестких ресурсных ограничений, прежде всего, у России.

Поэтому ЕАЭС нужны более гибкие, демократичные и финансово менее обременительные форматы взаимодействия с близлежащими странами. И здесь на первый план должно выйти сотрудничество именно в гуманитарной сфере (наука, образование, медицина и т.д.).

Внешнему позиционированию ЕАЭС может способствовать сопряжение союза с «Экономическим поясом Шелкового пути» на основании «протокола о намерениях», подписанного президентом России и лидером Китая, а также формирование *Большого Евразийского Пространства (БЕП)*. На сегодня БЕП видится как «зонтичный», открытый, инклюзивный, *выстраиваемый на принципах «нового регионализма»* гибкий формат международного сотрудничества.

Значимым фактором формирования Пространства должна стать также гуманитарная компонента, включающая сферы высшего образования, предоставления высокотехнологичных медицинских услуг и др. Концепция БЕП подразумевает также активное вовлечение гражданских обществ, *бизнеса и его объединений, НПО, экспертных центров.*

3.2. Арктика⁴⁵

США, в рамках реализации стратегии *America First*, все активнее предпринимают усилия по «интернационализации» Арктических пространств. Сохранение западного санкционного режима в отношении России может стать серьезным препятствием для использования территории нашей страны в качестве главного транзитного маршрута «Экономического пояса Шелкового пути» и приведет к возрастанию роли «Морского Шелкового пути XXI века» и тех проектов, которые идут в обход России.

Поэтому особый интерес представляет опубликованный Пекином в январе 2018 года документ, определяющий его видение Арктического региона и места Поднебесной в нем – Белая книга по Арктической политике Китая.

---

⁴⁵ Раздел подготовлен к.и.н., ведущим научным сотрудником ИМЭМО РАН П.А. Гудевым.

Документ носит весьма амбициозный характер, так как он рассматривает Арктику не как отдельный морской регион, воды которого омывают побережья всего 5 арктических государств, а как регион, где присутствуют интересы всех стран-членов международного сообщества. На этот регион имеют право все государства мира. Заявлено, ни много, ни мало, что от «Арктики зависит судьба всего человечества».

Пекин представляет себя как ключевой участник арктической повестки дня, важный «вкладчик» в арктическую проблематику, определяя масштаб своих интересов вопросами судоходства, морского промышленного рыболовства, добычей минеральных и энергетических ресурсов, проведением морских научных исследований, защитой морской среды и биоразнообразия.

КНР позиционирует себя как «около-арктическое государство» (near-arctic state), что, безусловно, является неправовым термином, да и с географической точки зрения – весьма спорным.

В существующей иерархии принято выделять 5 арктических государств, побережья которых непосредственно омываются водами Северного Ледовитого океана, а также 3 приарктические страны – Исландию, Швецию и Финляндию, которые являются полноправными членами Арктического Совета вследствие того, что часть их территории находится за Полярным кругом. КНР объясняет термин «около-арктический» тем, что ее территория весьма близка к Полярному кругу. Заметим, что в рамках такого подхода «около-арктическими» можно считать также Великобританию, Бельгию, Германию, Польшу, Белоруссию, Украину и даже Казахстан, так как их территория проходит через 52-ю параллель северной широты, равно как в случае с КНР.

Вероятно, это общая тенденция, поскольку около года назад Франция приняла свою арктическую стратегию, также назвав себя около-арктическим государством.

Китай позиционирует себя как государство, которое готово отвечать за выработку и усовершенствование правил поведения в Арктике, более того – системы управления в Арктическом регионе, хотя такая система управления здесь уже существует. Она иерархична и на самом высоком международном уровне она опирается, прежде всего, на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, нормы и положения общего международного права. На

более низком региональном уровне она сформирована за счет целого ряда региональных (двух и многосторонних) соглашений, а самый низкий уровень – это действующее национальное законодательство арктических государств. Этого, в принципе, достаточно. Ни о каком новом режиме международного управления речи сегодня не идет.

В китайском документе присутствуют определенные неточности и ошибки. Так, указывается на то, что Арктическая акватория состоит из зон, на которые распространяется юрисдикция прибрежных государств, района открытого моря и Района (т.е. Международного Района Морского Дна – МРМД), ресурсы которого в рамках Конвенции 1982 года объявлены всеобщим наследием человечества (ОНЧ) и их разработка ведется в интересах всех государств под эгидой Международного Органа по морскому дну. Такой Район (и даже не один) действительно может быть сформирован в Арктике, но лишь после того как будут окончательно рассмотрены заявки России, Дании и в перспективе Канады по обоснованию внешних границ своих континентальных шельфов. Как много времени это займет – 5 или 25 лет – сейчас сложно даже прогнозировать. Представляется, что такое ошибочное упоминание про Район, которого в Арктике пока де-юре не существует, сделано осознанно: ведь именно его формирование дает Пекину дополнительные права и полномочия по разведке и разработке ресурсов, и Китаю чрезвычайно выгодно, чтобы он здесь появился.

В одном из разделов документа говорится о том, что арктические страны имеют юрисдикцию в отношении внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Это в корне неверное утверждение. Арктические страны обладают полным Суверенитетом в пределах внутренних вод и территориального моря, причем этот суверенитет распространяется не только на акватории, но и на воздушное пространство, дно и недра в их пределах. В ИЭЗ и на континентальном шельфе – действительно речь идет о юрисдикции, в данном случае преимущественно ресурсной. Здесь прибрежные страны обладают исключительными правами по разведке и разработке живых и неживых ресурсов, и эти права не могут быть оспорены. Но надо понимать, что термин «юрисдикция» намного уже понятия «суверенитет», «юрисдикция» – означает существенно

уменьшенный набор прав, она всего лишь один из элементов территориального верховенства государства, составная часть его суверенитета. Что послужило мотивом такой трактовки со стороны Китая – вопрос открытый.

КНР позиционирует себя как страну с «арктическими традициями», апеллируя к своему участию с 1925 года в Парижском Договоре о Шпицбергене. Тем временем фактически до сегодняшнего времени в Китае нет четко сформулированной правовой позиции в отношении Шпицбергена и, что еще более важно, политики норвежских властей в отношении данного архипелага. А ведь после принятия и вступления в силу Конвенции 1982 года, как универсального международного соглашения в этой области, Осло выступает за максимальную имплементацию положений Конвенции к Шпицбергену, ограничивая тем самым права и полномочия всех стран-участников Парижского соглашения, которое предоставляет им равные права с Норвегией по ведению экономической деятельности, как на архипелаге, так и в территориальных водах «местностей Шпицбергена». Россия последовательно выступает против такой практики, позиция КНР остается по данному вопросу до конца не проясненной.

В документе КНР признает юрисдикцию арктических государств (как представляется, России и Канады) по регулированию судоходства в Арктике (Северный морской путь и Северо-западный проход). Однако одним абзацем ниже она декларирует вроде бы абсолютно обратный тезис о том, что принцип свободы судоходства должен быть гарантирован в арктических акваториях. *Такой подход в большей степени коррелирует с позицией США.*

Как известно, позиция и России, и Канады строится на том, что СМП и СЗП – это национальные транспортные артерии, находящиеся под их полным государственным контролем и регулированием. Россия, как и СССР ранее, настаивает на своем приоритетном праве вводить здесь обязательную ледокольную и лоцманскую проводки, а также выдавать разрешение на проход судов/кораблей. Апеллируя к положениям ст. 234 Россия настаивает на своем праве вводить дополнительные меры в области контроля над судоходством с целью предотвращения загрязнения морской среды с судов в районах, большую часть года покрытых льдами.

Основным антагонистом этой правовой позиции являются США. Они не признают приоритетные права России и Канады по регулированию судоходства в арктических водах, и считают, что право мирного прохода должно быть применимо в пределах территориального моря, свобода судоходства должна быть гарантирована в пределах 200 мильной ИЭЗ, а арктические проливы (как российской Арктики, так и канадского арктического архипелага) – это международные проливы с правом транзитного прохода, которое одинаково применимо как в отношении гражданских судов, так и военных кораблей, и не может быть приостановлено.

В итоге, общая позиция Китая касательно Арктики строится на том, что это некий «общий морской регион», где интересы всех государств, в том числе внерегиональных, имеют свои законные основания. Китай при этом ставит перед собой задачу – сделать режим управления в Арктике еще более совершенным, разработать и внедрить некие новые международные правила поведения в Арктике, с целью гарантировать права всех стран в регионе. Очевидно, что такая позиция означает, что Пекин стремится размыть эксклюзивный характер сотрудничества и взаимодействия стран арктической пятерки (Россия, США, Канада, Дания, Норвегия), заменив его на более инклюзивный, то есть основанный на более широком привлечении внерегиональных стран и игроков. *Фактически, речь идет о еще большей интернационализации арктических пространств и ресурсов в угоду некоему абстрактному «международному сообществу».*

Заключение

Анализ вариантов развития соперничества США и Китая показывает существенные различия в их взаимоподходах. В Соединенных Штатах четко выделяются и значительно отличаются текущий и долговременный срезы. Решение проблем глобального лидерства, по сути, переносится Вашингтоном на региональный уровень. У КНР же, скорее, линейный временной и пространственно-расширяющийся подход. Китай традиционно мыслит длинными временными циклами и реализует охватывающий все больше стран и континентов проект «Пояс и Путь» по укреплению своего лидерства – от регионального к глобальному. Равно, в обратной корреляции находятся доминантные факторы формирования политики. В США акцент, вероятно, будет смещаться с экономической составляющей к безопасности; в Китае военно-политические аспекты остаются эффективным инструментом обеспечения безопасности торгово-экономической экспансии как основы долгосрочной стратегии достижения глобального лидерства. Соответственно, меняется и роль этих факторов в мировой политике. До сегодняшнего дня, по мнению экспертов, глубина финансово-экономических и торговых связей США-КНР была стабилизирующим фактором. Однако ситуация быстро меняется.

В ближайшей перспективе – как минимум, на горизонте правления нынешней американской администрации – на уровень, масштаб и характер соперничества США-КНР будет оказывать влияние целый ряд разноплановых факторов и их сочетание, а также набирающие (независимо от взаимоотношений Китая и Америки) силу тренды в мировой политике.

К первой группе относятся факторы внутривнутриполитические, обусловленные как беспрецедентно жестким противостоянием в американском истеблишменте, так и не снижающееся напряжение в китайском обществе. Виток торговой конфронтации США с Китаем в 2018 году во многом связан с промежуточными выборами в ноябре и стремлением Трампа усилить свои позиции, продемонстрировав выполнение данных им предвыборных

обещаний. Важно отметить, что идеология играет второстепенную роль в противостоянии на данном этапе – «только бизнес».

Немалое значение для России – и в плане внешнеполитического планирования, и в практической работе, имеет вторая группа факторов, непосредственно влияющая на лидерское позиционирование США и Китая. Все более очевидным становится пассивное или активное несогласие партнеров обеих держав в регионе и в мире с признанием их одностороннего доминирования. Соединенные Штаты сталкиваются со все большим неприятием их диктата в торгово-экономической сфере, но также уже и в области внешней политики и безопасности со стороны союзников в Европейском Союзе, прежде всего в Германии. Растет озабоченность Японии. Настроенная на партнерство Индия, тем не менее, пытается балансировать, избежать односторонней зависимости от США. Китай, в свою очередь, все чаще встречается с более трезвой оценкой последствий его лидерской инициативы «Пояс и Путь» вовлеченных и вовлекаемых в нее стран, как в регионе АТР, так и за его пределами, в Европе. Показателен пример Малайзии, которая при вновь избранном премьер-министре Махатхире Мохамеде намерена пересмотреть сверхзависимость от проектов в рамках ПиП, так как появление в стране большого числа китайских рабочих и компаний негативно сказались на развитии местного бизнеса. Борьба с коррупцией и ограничение зависимости от Китая были среди его ключевых предвыборных обещаний. При этом в рамках его националистически ориентированной повестки Мохамед будет также избегать излишней зависимости от США и постарается найти альтернативных иностранных партнеров, чтобы нейтрализовать негативное воздействие усиливающегося соперничества США-КНР.

Тренды к ре-национализации, суверенизации, критическому пересмотру интеграционных объединений и институтов, а также ослабление и деградация традиционных институтов глобального управления, в том числе в торгово-экономической сфере, - все они неоднозначно сказываются на реализации лидерских амбиций – как Китая, так и США. Предоставляя, с одной стороны, большой маневр и свободу, новые «неотформатированные» связи, с другой стороны чреваты непредвиденными дисбалансами и потерями. Отсюда принявшее глобальный масштаб стремление всех участников

международных отношений к сбалансированности, как возможной гарантии от негативной сверхзависимости от политики мировых грандов.

Собственно, поиск новых балансов, форматов сотрудничества и взаимодействия (прежде всего в АТР), равно как и медиаторство, посредничество по нахождению балансов в отдельных регионах (на Ближнем Востоке) уже в течение ряда лет является важным направлением и российской внешней политики.

Особенно актуальной для России эта деятельность становится в условиях обострения борьбы за лидерство между США и Китаем.

По мнению экспертов, можно говорить о трех возможных сценариях, каждый из которых потребует от России большой осторожности и гибкости:

- Простейший вариант, на который надеется Китай, заключается в том, что *США уступят лидерство мирно и согласятся с тем, что растущий Китай будет постепенно занимать их место*. С учетом нынешних добрых отношений между Россией и Китаем такой сценарий сейчас будет воспринят Москвой благоприятно, но по мере экономического и геополитического усиления Китая будут возникать новые риски и вызовы для России (особенно на постсоветском пространстве).

- Если реализуется обратный сценарий, и *США пойдут на силовой конфликт с целью не допустить китайского лидерства*, ситуация будет носить для России более драматический характер, потому что конфликт может разгореться и выплеснуться за пределы региона Тихого океана, что потребует от России быстрого оперативного реагирования и выбора между двумя сторонами.

- Третий обсуждаемый сценарий – это *раздел сфер влияния, напоминающий старый биполярный мир, разделяющий мир на два лагеря – либеральный капитализм и авторитарный капитализм*. С точки зрения Запада, Россия уже давно в этом последнем лагере и никаких альтернатив ей не предлагается. Как записано в доктринальных американских документах, «China and Russia – revisionist powers».

Союзничество России с Китаем или США мало реалистично, прежде всего в силу разного восприятия этой идеи сторонами. Россия по-прежнему мыслит себя в качестве державы первого

уровня, что, однако не совпадает с ее восприятием ни Соединенными Штатами, ни Китаем. В этой связи с их позиций союзничество возможно лишь в формате «младшего партнера», что для российской стороны категорически неприемлемо.

Абсолютное большинство российских экспертов считают, что *в случае обострения китайско-американских отношений России следует сохранить нейтралитет*, и практически никто не считает вероятным в перспективе до 2030 г. военно-политический союз с Китаем.

Оптимальной стратегией для России в этих условиях является формирование все более сбалансированной системы взаимоотношений с государствами как в АТР, так и в мире в целом с целью выигрыша времени для запуска механизмов экономического развития и роста страны.

Научное издание

США-Китай: борьба двух стратегий и практик мирового
лидерства

Под редакцией

*Вартазаровой Людмилы Степановны
Кобринской Ирины Яковлевны*

Научный доклад

ISBN 978-5-9535-0537-6

Подписано в печать 01.10.2018.

Формат 170×240 Печать офсетная.

Объем 8,25 п.л., 3,15 а.л. Тираж 200 экз. Заказ № 22/2018

Издательство ИМЭМО РАН

Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23